

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

AOUT 1939.

LES COSAQUES LIBRES

XIIe ANNEE.

АВГУСТ 1939 Г.

268-269

СЕРПЕНЬ 1939 Р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ XII-й.

РІК ВІДАННЯ XII-й.

Содержание:

1. Юрист. Об основном законе «В. К.».
2. «Намагніченим політикам» які фальшують козачу історію.
3. **Ив. Коваленко (Скубани).** **.
4. Горские виды на казачьи территории или планы и карты «фантазеров».
5. «Недоразумения» между «союзниками».
6. А было все это всего лишь 230 лет тому назад.
7. Московская Русь или — Великоорусское государство.
8. **Павел Приказчиков.** Кто и как нас хотел объединить.
9. **Е. С. Басакин.** Довольно политики времен 1917—20 г. г.
10. **Н. Ковалев.** Поймите-же и вы...
11. Казачья эмиграция.
12. В русском лагере.

Некоторые мысли-признания английского военного писателя

Англо-Франко-Советские переговоры все еще продолжают... И пока они так или иначе не будут закончены, обстановка в Европе будет оставаться неясной и неопределенной. Обстановка эта выяснится в одну или другую для Европы сторону — в зависимости от того, чем и когда закончатся московские переговоры...

А пока европейская печать гадает на тему — будет война или не будет ее?..

Постоянный сотрудник английской газеты «Таймс», военный писатель, капитан Лидделл Харт выпустил недавно книгу под названием «Оборона Британии», возбуждавшую к себе большой интерес. Задача книги — ответить на вопросы: в чем сила и слабость Англии? — «П. Н.» начали знакомить своих читателей с содержанием этой интересной книги. Думаем, что и для наших читателей некоторые места ее будут представлять интерес, а может быть лучше помогут разбираться в том, что делается сейчас в Европе (цитируем по «П. Н.», см. номер от 25 июля).

Капитан Харт думает, что «сегодня у Германии может быть только один расчет, если только она начнет войну, — расчет на короткую войну».

«Возможна ли короткая война, при всем ослаблении стратегических позиций Англии и Франции? — Опыт вооруженных столкновений на протяжении последних лет наглядно обнаружил преимущества обороны перед нападением. По подсчету военных специалистов, силы нападающего должны быть минимум в три раза больше сил обороняющегося, чтобы сравняться в шансах на победу. Дело не в численности войск. Дело в «боевом потенциале»: силе и подвижности артиллерийского огня, танках, воздушном флоте и всей той механике, которая сопровождает бойца на фронте.

«Такого преимущества, — полагает Харт, — Германия не имеет сегодня, за исключением «некоторых участков на Западе и на Востоке».

«Преимущество обороны, кроме того, заключается в разнице цели, которую ставит себе нападающая и обороняющаяся сторона. По разному, поэтому, оценивается и успех. Для нападающего, чтобы иметь успех, нужно продвигаться вперед. Для обороняющегося, чтобы иметь успех, нужно оставаться на месте. Для победы последнему достаточно убедить первого, что продвигаться он не может... Капитан Харт отвергает старое мнение, будто «нападение является лучшей защитой». В нынешних условиях это не верно. — Стремясь к «решиительной победе на бранном поле», мы рискуем проиграть войну, — утверждает он. — Война окончится тогда, когда нападающий поймет тщету своих усилий.

«По мнению британского специалиста, только обо-

ронительная тактика может принести Англии и Франции победу...

«Для нападающей стороны, ставящей целью завоевание, необходимым условием успеха является разгром вооруженных сил противника и занятие его территории. Если цель не достигнута, нападающий терпит поражение. Отсюда вытекает наша тактика, тактика обороны: убедить врага в том, что он не может завоевать нас. Для этого нужно иметь хорошее вооружение и... сидеть дома.

«Автор книги возражает против отправки английских войск на континент. Попытка проявить силу вне родных пределов обнаружит — слабость. Наоборот, признание своей слабости и соответственная тактика дадут — несокрушимую силу.

«Свою мысль Лидделл Харт подкрепляет ссылкой на прошлое:

«Мы вели все наши войны (до последней), сберегая нашу живую силу, опираясь исключительно на наше морское и экономическое могущество (и на живую силу союзников по коалиции! Ред.). Мы никогда не рисковали истощением — и в этом был залог наших побед. Наше главное оружие было — экономическое давление, основанное на морском господстве. Мы способствовали успеху двумя путями: помощью союзникам вооружением и деньгами и отправкой сравнительно небольших экспедиционных сил, чтобы добить издыхающего врага или «цементировать» союзные силы... В войну 1914—1918 годов Англия нарушила эту традицию и чего достигла этим? — Никогда не вступали мы в войну при более благоприятных обстоятельствах. Но ни одна война не доводила нас до такого истощения — прямое последствие необычного для нас усилия на суше. Было бы непростительно забыть этот опыт недавнего прошлого.

«Это тем более «непростительно и глупо», что Великобритания угрожают ныне новые опасности: опасность воздушного налета и опасность расстройств морских путей, если Италия, Япония и Испания будут в числе врагов.

«Как представляет себе автор книги выполнение Великобританией тех «гарантий», какие она дала державам на континенте? — Очевидно, в «традиционном для британской истории» смысле. Помощь может быть оказана за счет **излишков**, которые останутся после организации островной и имперской обороны. Задачи великобританской обороны так велики и сложны, что включить живую силу в эти «излишки» не представляется возможным».

— Не ищет ли Англия «живой силы» в Москве?

ПАМЯТИ П. И. КОКУНЬКО.

Из журнала «ВК» (№ 266-267) я узнал о смерти дорогого и славного казака ген. **Петра Ивановича Кокунько**. С глубокой скорбью переживаю эту тяжелую для Казачества утрату. Зная покойного с 1907 г., когда только что молодым казаком я прибыл в свой 1-й Линеинный полк, я всегда прислушивался к его голосу и глубоко верил в его справедливость, и она, эта вера, не обманула меня. Даже теперь, на чужбине, мне хотя и не приходилось встречаться со своим бывшим командиром полка, но голос его слышится мне и теперь — все эти последние десять лет...

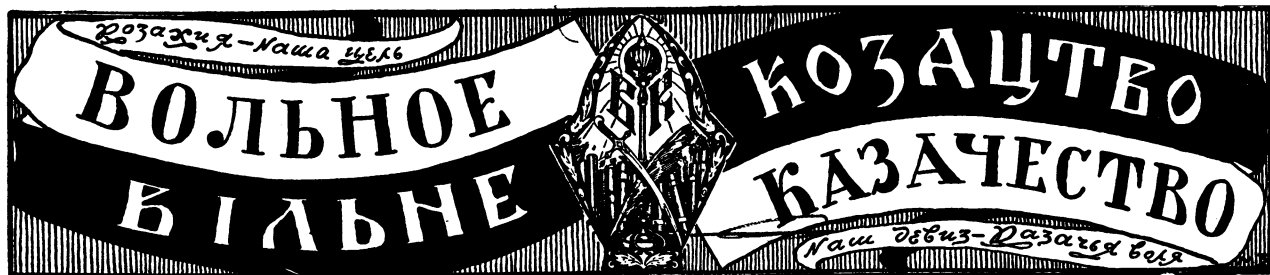
На страницах журн. «ВК» покойный всегда с любовью говорил казакам про Казачество и защищал Его. Он горячо любил свой Казачий Народ, и эта любовь его будет памятна всем казакам на веки вечные.

Кто только из казаков знал покойного или слышал о нем, те все с любовью относились к нему, прислушиваясь к его голосу, и слово его было для каждого законом. Покойный всю свою жизнь был верен Казачеству, служил Ему и защищал Его от всяких несправедливых нападков со стороны некоторых русских властителей, но не благодетелей...

Да будет же среди Казачества существовать достойный пример подражания покойному большому и славному казаку Петру Ивановичу Кокунько. Тело его умерло, но дух его вечно будет жить среди любящих его казаков.

Царство ему Небесное!

Н. Боровлев.

LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 8, rue Fantin Latour, Paris (16).

№ 268-269

Август 1939 — Сепень 1939

№ 268-269

ОБ ОСНОВНОМ ЗАКОНЕ „В. К.“

(КРИТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ «В. К.»)

(Продолжение).

IV.

Итак, в предыдущих очерках мы уже рассмотрели несколько основных принципов, утверждаемых Союзной Конституцией «ВК» в согласии с Декларацией, как незыблемым вводным основным законом.

Несколько ранее мы говорили о том, что установление этих принципов имеет смысл только в том случае, если все элементы частно-правовой жизни и публично-правовых отношений в стране — (т. е. весь комплекс личных и имущественных отношений граждан между собою, вся сложная система отношений гражданина к государству, представленному органами власти, и, наконец, вся работа государственного аппарата) — могут быть, в любой момент и по любому законному поводу, «проверены» в отношении Декларации и Конституции, как может быть проверена, например, любая мера длины, или веса, в отношении идеальных метра, или килограмма, хранящихся в Палате Мер и Весов.

Таким образом, ставится вопрос о контроле конституционности всех законодательных, судебных и административных текстов, постановлений и мероприятий.

Оставаясь пока в границах первых трех глав Союзной Конституции — т. е. глав I, II и III, трактующих вопросы союзного государства, государственной власти и областей, — мы попытаемся теперь же, прежде чем перейти к рассмотрению главы IV — о гражданстве, правах и обязанностях гражданина, — определить то, что является основой всего конституционного строя, задуманного авторами проектов. Основа эта — та *проверка*, о которой мы только что сказали, или — *контроль конституционности*.

Если пытаться найти *моральное оправдание* той или иной *формы государства*, то естественно и неизбежно придется обратить внимание на

следующее обстоятельство: абсолютная и конституционная монархии, государства, управляемые центральными комитетами партий (безразлично, будь то партии «левые», или «правые»... К слову сказать, эти понятия решительно ничего уже больше не обозначают в политико-юридическом отношении), демократические или даже социал-коммунистические республики, т. е., другими словами, какие угодно политические системы организации человеческого общества, — могут быть непрерываемо *оправданы* только в *одном случае*: если основной закон (loi fondamentale, Конституция), *свободно установленный свободным народом*, может быть *свободно критикован* и *пересмотрен*, и если *общее законодательство*, *приговор судьи* и *действие администратора* могут быть *проконтролированы* в отношении их *принципиального сходства с Декларацией и Конституцией*.

Первое условие мы называем *правом ревизии* или *правом пересмотра конституции* (revision), второе — *правом контроля конституционности* (contrôle de la constitutionnalité).

Повторяем: если, в условиях свободы слова и собраний, существуют и эти два права — *право ревизии* и *право контроля* — речь может идти о подлинном «царстве конституционной свободы». Нет этих условий, нет и подлинной свободы гражданина в его стране, не может быть и слияния личности гражданина с его вечной в своем существовании родиной, нет и оправдания государства. И все слова о высшем благе личности в государстве, о выявлении личности через государство и проч. и проч., превращаются, с нашей точки зрения, либо в мираж, либо, что еще хуже, в обман и рабство.

Таким образом, из указанных нами выше государственных построений, мы можем сразу

отнести два полярных — (и, как ни странно, в то же время очень схожих) — типа государств: абсолютной монархии и коммунистического государства. Ни обоженный «вотчинник», т. е. наследственный представитель династии, ни «господствующий пролетарский класс» этих условий, естественно, выполнить не могут, ибо свобода слова и собраний и право контроля и ревизии основных законов, теоретически рассуждая — (а, может быть, и практически) — были бы равносильны смерти и того, и другого режима. Конституционная монархия английского типа и демократические республики (типа американской и французской) признают, в той или иной мере, оба этих правовых принципа. Американцы — в большей степени, французы — в меньшей. Германский национал-социалистический и итальянский фашистский режимы, построенные на мистике возрождения нации, слишком молоды и динамичны, чтобы можно было сегодня точно определить их юридическую природу, т. е. соответствия их «хартий» и подлинных прав государства и гражданина.

Еще раз вспомним уже сказанное: *копирование режимов невозможно и вредно*, и каждый народ должен создавать свой собственный строй,сообразно своим особенностям и темпераменту, своим традициям и своей истории, присматриваясь, однако, к историческому опыту других народов и сохраняя ценные приобретения духовной культуры, из которых первый и непрерываемый дар: свободный человек в свободном государстве.

Мы уже говорили, что *декларация принципов имеет смысл только там, где существует развитая писаная конституция* и где предусмотрено различие между конституционным законом и общим законодательством, ибо только при этих условиях и возможно право ревизии конституции и право контроля конституционности. Мы упоминали о том, что, в связи с этим, конституции делятся на «твердые» и «мягкие», т. е. на легко-пересматриваемые и трудно-изменяемые. Вопросом о праве ревизии мы займемся более подробно тогда, когда мы будем рассматривать функции законодательных палат и президента-атамана. Теперь же нас интересует анализ права контроля конституционности, ибо и ст. 21 Союзной Конституции 1939 г. и ст. 24 Союзн. Конституции 1932 г. говорят об этом праве.

— « —

Согласно ст. 21 «всякое юридическое или частное лицо» и «всякое учреждение государственного или общественного характера» обладают этим правом контроля. *Субъектами этого права являются, следовательно, все правоспособные лица в Республике: «всякое частное лицо»* т. е., значит, каждый гражданин, не лишенный (или не ограниченный) по суду прав. В отношении частных лиц право это надлежит толковать распространительно, т. е. оно должно принадлежать не только дееспособным, но и тем, кто, по тем, или иным, причинам, не может сам представлять своих интересов (таковы, например, случаи процессов от имени несовершеннолетних) и должен апеллировать через своих

опекунов или попечителей в Высший Союзный Суд по вопросу о неконституционности закона, примененного судом в гражданском процессе. Право это, говорит дальше Союзн. Конституция 1939 г., принадлежит всякому «юридическому лицу, всякому учреждению государственного или общественного характера», и это значит, что всякий гражданским законом признанный коллектив — будь то ассоциация, преследующая религиозно-культурные цели, будь то научное учреждение (академия, университет), коммерческое общество или орган городского самоуправления — является субъектом этого права. Следовательно, по точному смыслу текста статьи 21 всякое «учреждение государственного характера», которое может по роду своей деятельности встретиться с необходимостью контроля конституционности — (напр., судебное учреждение первой инстанции, апелляционное, или даже мировое, может усумниться в конституционности какого-нибудь законоположения, какой-нибудь административный орган подчиненного управления может очутиться в трудном положении, будучи обязан применить то или иное постановление высшей административной власти и т. д.) — обладает правом контроля конституционности.

Текст Союзной Конституции 1932 г. (ст. 24) не шел так далеко в применении этого права и суживал круг лиц и учреждений, могущих пользоваться этим правом, говоря лишь о «компетентных» лицах и учреждениях и представляя, очевидно, высшим органам власти определять эту компетенцию. Нам представляется, однако, более правильным текст ст. 21 Союзн. Конституции 1939 г., ибо право контроля конституционности *всего* того, что происходит в стране, должно принадлежать *всем* тем, кто эту конституционность устанавливает. Из этого вовсе не следует, что возможность применять это право должна быть сведена к общей правовой норме, применяющейся с такой же легкостью, с какой каждый гражданин может обратиться к мировому судье. В таком случае пострадал бы не только авторитет власти, но и сама, сказали бы мы, священность и исключительность народного суверенитета. Охранение основного закона от «шikanы»-сутяжничества и суверенитета нации от неуважения к нему надо искать не в сужении круга субъектов права контроля конституционности, а в процессуальной организации применения этого права и в установлении санкции в случае недобросовестности заявления о контроле. Из двух одно: либо конституционность может быть контролирована и тогда она должна быть контролирована всеми и по всем поводам, либо основной закон должен быть объявлен вне досягаемости критики, за пределами «общей вещи» (республики) и тогда режим превращается в канон, в догму, которая не только может скоро потерять «соответствие» с реальной жизнью и интересами страны, но, что еще опаснее, и доверие народа в ее назначение и связанность с суверенитетом нации.

Вот почему нам представляется правильным путь, избранный авторами Союзной Конституции 1939 г., хотя мы считаем, что редакция этой статьи должна быть несколько изменена, а глав-

ное согласована с содержанием статьи 45, трактующей о контроле административных мер и постановлений. Мы полагали бы, что весь контроль конституционности должен быть точно определен в одной статье, чтобы избежать принципиального разрыва контроля административного и законодательного. Кроме того, мы считаем некоторым упущением то обстоятельство, что при упоминании о государственных учреждениях, как субъектах права контроля конституционности, авторы ничего не сказали об иерархическом пути, которому они должны следовать, ибо, конечно, никакой административный орган подчиненного управления и никакое судебное учреждение не должны обращаться непосредственно к Высшему Союзному Суду по вопросу о неконституционности, не обратившись предварительно в иерархическом порядке за надлежащими разъяснениями по инстанции.

— « —

Каким же образом ст. 21 Союзн. Конституции 1939 г. организует применение этого права контроля конституционности?

Прежде чем дать по этому поводу соответственный краткий обзор историко-политических идей С.А.С.Ш., Англии и Франции, рассмотрим сначала механизм формального права контроля так, как он представляется авторам Союзн. Конституции ВК.

Как нам уже пришлось говорить, высшим национальным судьей в вопросе — соответствует или нет то или иное распоряжение того или иного («любого», — говорит Союзн. Конституция) органа союзной власти «точному тексту, смыслу или принципу Союзной Конституции или Декларации» — является Высший Союзный Суд. Он является судьей, интерпретатором и комментатором (т. е., толкователем-разъяснителем) всех конституционных текстов. Что именно может быть обжаловано? Решительно все, все действия всех трех союзных властей: власти законодательной, власти исполнительной, и власти судебной, причем, не только в лице высших органов республиканской власти, но и всех органов подчиненного управления.

Ст. 21 Союзн. Конституции 1939 г. говорит о контроле «распоряжения» любого органа Союзной власти Республики; мы предпочли бы более широкий термин «действие», охватывающий и само создание нормы, т. е. законов, декретов, постановлений и проч., и распоряжение о приведении этой нормы в исполнение.

Следовательно, контроль конституционности, скажем простым языком, «поведения» органов областной власти в ее трех ветвях как будто не существует? Нет, он, конечно, существует, ибо ст. 20 Союзн. Конституции дает право правомочным органам высшей власти в Республике отменить те законы и распоряжения областной власти, которые противоречат Декларации, Союзной Конституции и «законным распоряжениям органов республиканского (т. е. центрального) Управления» — (в этом же смысле составлены и ст. 4 и 5 Союзн. Конституции). Следовательно, контроль возможен, но

контроль этот не прямой, а косвенный, ибо сначала надо определить несоответствие между действиями областных органов власти и ее, областной, конституцией, — затем необходимо установить расхождение между областной конституцией, союзной конституцией и распоряжениями центральной республиканской власти, и только тогда можно «контролировать»... Вот, к примеру, яркий недостаток федеральной системы государственного управления, о котором нам пришлось уже писать. Централизованная система *унитарной республики* представляется нам поэтому более совершенной и в отношении *защиты конституционных свобод и принципов*, и что касается *правильности применения конституционных законов*. И не раз еще нам придется встретиться при анализе Союзной Конституции ВК с положениями, подтверждающими нашу мысль. (Читатель может быть уже заметил применение нашего метода анализа конституции: не забегая вперед, мы проходим вместе с авторами их постепенный путь, но возвращаемся каждый раз назад к знакомым уже ступеням конституции, как только новый материал дает нам для этого повод: так мы пытаемся восстановить целостность замысла авторов, понять их и предложить им нашу критику-синтез).

— « —

Жалоба на «неконституционность» передается, согласно все той же ст. 21, в Высший Союзный Суд через главу исполнительной власти, т. е. через Президента-Атамана. Президент-Атаман может войти в рассмотрение жалобы по существу и, «в случае правильности» ее, отменить «обжалованные требования в порядке высшего административного указа» (п. 2 ст. 21). «В противном случае Президент-Атаман отсылает жалобу в Высший Союзный Суд в законный срок». Эти несколько строк чрезвычайно интересны в юридическом отношении и в то же время весьма характерны для рассматриваемой нами конституции в отношении политической ее конструкции.

В самом деле, с требованием контроля конституционности действий властей законодательной, исполнительной и судебной надлежит как будто обращаться не сразу к судье-блюстителю-толкователю Основного Закона (т. е. к Высшему Союзному Суду), а к главе исполнительной власти, которая является как бы первой инстанцией конституционного контроля в стране. Это важно потому, что в процессуальном отношении таким образом создается тормаз для той «шканы»-злоупотребления этим правом, о котором мы говорили. Президент-Атаман, действуя, как судья первой инстанции, — (или, вернее, как судебный следователь, инструктирующий «состав неконституционности») — может признать правильность жалобы и дать удовлетворение жалобщику, отменив «неконституционные действия». Мы рекомендовали бы, однако, уточнить эту статью в следующих отношениях: ввиду того, что отмена неконституционных действий органов власти Республики должна быть в принципе *мотивирована*, — ввиду того также, что подобная мотивировка чрезвычайно сложна

и ответственна, надо было бы избрать следующий путь: либо отмена Президентом-Атаманом неконституционного действия, в виде исключения, не мотивируется — (опасности эта система не представила бы, ибо, как мы знаем, в случаях отказа отменить это действие, прощение о контроле все равно переходит в Высший Союзный Суд), — либо, если допустить мотивировку, то (так как, как мы увидим позже, Президент-Атаман не ответственен) мотивировка эта должна быть составлена по консультации Особой Юридической Коллегии, с деятельностью которой мы познакомимся ниже, и контрассигнирована тем ответственным министром, ведомства которого касается отмененное неконституционное действие. Мы склоняемся ко второй системе, тем более, что высший административный указ об отмене неконституционного закона или действия власти создает обязательный конституционный прецедент в «последующих аналогичных случаях» (см. прим. к ст. 21 Союз. Конституции 1939 г.). Мы добавили бы еще и следующее ко всему сказанному: указ мы назвали бы не «административным», а «президентским», ибо Президент-Атаман действует в данном случае не столько, как глава исполнительной, т. е. административной власти, сколько, как «первый магистрат» (*premier magistrat*), как первый *арбитр* в споре между гражданином и государством.

Вот в этом обстоятельстве и скрывается, с нашей точки зрения, политическая особенность конституции и режима ВК, на которые мы только что обратили внимание, и в частности особенное положение Президента государства. Ни классическая демократия, ни поглощенная тоталитарной властью личность — можно было бы сказать о режиме ВК и Президенте-Атамане — не символ власти, а сама власть, не только глава исполнительной власти, председательствующий в Совете Министров, но первый среди равных (*primus inter pares*), имеющий личную, ему и его положению присвоенную власть, и не только власть негативную, т. е. власть накладывать «вето», т. е. запрещение на постановления законодательных палат, как президент С. А. С. Ш., но власть, так сказать «синтез» трех ветвей власти, власть фактическую и лично ему «по делегации» переданную. Таким образом, в статье, касающейся контроля конституционности, мы столкнулись уже с особой конструкцией президентской власти.

— « —

Обратимся теперь к другим странам с тем, чтобы иметь возможность дать более точную критическую оценку идей авторов конституционных текстов ВК 1932 и 1939 г.г.

Конституция С.А.С.Ш. — (или, вернее, конституции, ибо, как мы знаем, кроме Федеральной Американской Конституции, каждый штат имеет свою отдельную конституцию) — представляет собою наиболее усовершенствованный тип основного закона с точки зрения юридической техники. Американская конституция прокламирует разделение законодательства на собственно-конституционное и общее. Конституци-

онный закон защищен от авторитета обычной законодательной власти и, таким образом, принципы Декларации, т. е. гражданские свободы, «конституционированы», или, что то же самое, защищены особым порядком, в котором только и может быть пересмотрена конституция (добавлениями «амendmentов» к оригинальному тексту конституции). В этом смысле американские конституции, в отличие от конституций европейских, по словам американского юриста проф. Гарнера, «являются инструментами децентрализации, организации и запрещения» в отношении республиканской власти. В борьбе против «общего» законодателя американцы постоянно дополняли и изменяли свои конституции и из коротких текстов превращали их в длиннейшие «папирусы». Так, например, конституция штата Виргиния 1776 года имела в самом начале всего четыре страницы; к 1870 году конституционный текст Виргинии достиг уже 22 страниц. Конституция штата Нью-Гэмпшир в 1776 году слагалась всего из 200 слов; в 1870 году она составляла... 22.000 слов! Это простая иллюстрация той мысли, что основной закон не вековая молитва, не формула и не догма, а живое отражение живых интересов в «общей вещи» — республике.

По вопросу о неконституционности, который нас интересует в данный момент, надо заметить, что, согласно американских конституций, *судебная власть играет роль хранительницы конституционных текстов*. Таким образом, каждый раз, когда общая законодательная власть — («общая власть» это значит обычные органы законодательной власти, т. е. Палаты или Сенат, а не Учредительное или Национальное Собрание, или другой особый орган, имеющий исключительное право вносить конституционные изменения) — вносит закон, который может хоть в какой-либо мере почитаться «насилием» над конституцией, или который может лишить гражданина хоть какого-либо права, предусмотренного в конституции, — возможно обращение в суд. Но обращение это допускается только по поводу какого-либо реального процесса, т. е. процесса уже ведущегося в судебной инстанции, а не в порядке получения «принципиальной справки» по тому или иному поводу. Это называется у американцев «эксцепцией легальности», т. е. исключением законности в иске. Таким образом, в С. А. С. Ш., начиная с 1803 года, по почину Маршалля, блестящего американского юриста и «шефа Юстиции», т. е. министра Юстиции, *каждый судья, в независимости от инстанции, может контролировать конституционность общих законов*. Это положение привело, естественно, к тому, что корпус американских судей получил в стране необычайное политическое значение, тем более, что судьи в С. А. С. Ш. избираются населением, т. е. партиями, а не назначаются министром юстиции, и судейское кресло обычно ведет в Палату Представителей или на губернаторское место. Судья в С. А. С. Ш. превратился в сущности в контролера всей законности и, вместо того, чтобы быть беспристрастным интерпретатором закона, является партийным представителем группы избирателей.

Создалось то, что французский юрист, проф. Лионского университета Ламбер, назвал «аристократией тоги» — (тога — судейская мантия).

Вот так отнеслись к контролю конституционности С. А. С. Ш., страна развитой писаной конституции. Эта система представляется нам весьма характерной для американских нравов, для страны, где судья часто подкупается либо партией, либо кланом «гангстеров» и иногда садится в тюрьму. Система эта совсем не подходящая для государств, где и судья и закон должны быть вне повседневной борьбы и политических страстей.

—«»—

В Англии, где, как мы знаем, нет развитой писаной конституции, *нет и различия между конституционными и общими законами*. Все традиционные принципы английских правовых норм не выходят за пределы тех законодательных актов, о которых мы в свое время говорили (Великая Хартия Вольностей 1215 г. и др.), а потому нет и необходимости в защите конституционности. Каждый акт власти, каждый закон может быть обсуждаем судьей в любой инстанции и каждый судья может постановить по своей воле, не будучи связан конституцией: он связан только Common Law, т. е. обычным правом Великобритании. Можно сказать, что английский гражданин обладает не столько правом оспаривать неконституционность, сколько правом контроля английских традиций свободы гражданина. *Традиция стала конституцией.*

Если в Англии — (н.) не в ее доминионах, где конституции более «модные» в техническом смысле этого слова, т. е. более развитые, но не менее традиционные) — нет того, что мы называем ограничительной национальной конституцией, то там есть то, что англичане поставили выше писаной конституции и что они называют Common Law, — обычным английским правом, которое заменило писанный закон, несмотря на то, что в давнее время, т. е. еще в XIII в., Англия была первым государством, имевшим писаную конституцию. Таким образом, можно было бы сказать, что *писаная конституция утверждается там, где надо установить основной закон жизни, а тогда, когда этот закон превращается в традицию, типа английской, тогда писаная конституция исчезает, уступая место традиционному обычному праву*. Мы добавим, что для этого Англии понадобилось более семисот лет.

—«»—

Французская конституция 1875 года не говорит ничего о праве контроля конституционности, да и само понятие конституционности недостаточно выпукло во французском конституционном праве. Некоторые французские юристы делают лишь логический вывод, утверждая, что французский судья имеет право контроля, «которое он, к сожалению, не осмеливается применять на практике» (проф. Парижского университета де Лапраделль). В силу того, что французские конституционные законы вотируются Национальным Собранием, т. е. Палатой Депутатов и Сенатом совместно, то получается

положение, при котором «общие» и «конституционные» законодатели те же самые «физические лица».

Французские юристы хотят видеть в этом обстоятельстве гарантию того, что корпус избранных народа, (т. е. депутаты и сенаторы), заседающий не отдельно, а в соединенном заседании двух палат, не окажется в противоречии с тем мнением, которое было бы вынесено в каждой палате в отдельности. Но, во первых, этот порядок вещей, т. е. вотиrowание конституционных текстов в Национальном Собрании, устанавливая особый порядок ревизии конституции, вовсе не создает еще права контроля конституционности, а, во вторых, нам вспоминается старая римская поговорка «Senatores boni viri, senatus enim mala bestia» («Сенаторы суть добрые люди, но Сенат, однако, злая bestia») и, как это ни покажется странным, но воля Национального Собрания, как особого коллектива, не всегда совпадает с волей, или с «волями» составляющих ее законодательных палат. Так или иначе, но по вопросу о неконституционности во Франции обратиться в сущности некуда, ибо судья «не смеет», как говорит проф. де Лапраделль, пользоваться этим правом, которое надо «логически» выводить из скупых конституционных текстов, высшего же органа-контролера конституционности не существует, ибо обе высшие инстанции, т. е. Высший Кассационный Суд и Государственный Совет как бы сговорились не считать себя облеченными этой компетенцией — (однако, в Конституции VIII года существовал такой орган, а именно Сенат-хранитель Конституции: Sénat-conservateur). Таким образом, высшим органом в гражданском или уголовном процессе является Высший Кассационный Суд, а в процессе против органов исполнительной власти — Государственный Совет (т. е. административная юстиция), но лишь такое громоздкое учреждение, как Национальное Собрание, созываемое в Версале особым декретом Президента Республики, может решать, а значит и контролировать, вопросы конституционного характера. Следовательно, эта система противоположна системе американской.

Нам представляется, однако, что в государстве, не имеющем Декларации принципов, где по сие время ведется доктринальный спор — является ли Декларация Прав Человека и Гражданина 1789 года положительным, т. е. действующим законом (во Франции были и другие, более поздние, декларации и конституции, которые с меньшей логикой могли бы быть возведены в степень позитивного закона, хотя бы например, конституция «Либеральной Империи» 1870 г.) — в такой стране, думается нам, право контроля конституционности должно быть точно определено по крайней мере в органических законах.

—«»—

Таким образом, мы анализировали право контроля конституционности, предусмотренное ст. 21 Союзн. Конституции 1939 г. и ст. 24 текста ее 1932 г., сравнив тексты ВК с другими наиболее выдающимися конституциями. Нам еще придется упомянуть об этом вопросе, когда мы

будем рассматривать статьи о законодательных палатах и, главным образом, когда мы коснемся организации и компетенции Высшего Союзного Суда. Тогда только нам станет ясной мысль авторов, и мы сможем высказать наше окончательное мнение. Тем не менее, уже теперь мы можем все же сказать, что право контроля конституционности, введенное в Союзн. Конституции ВК 1939 г. — (напомним, что Созн. Конституция 1932 г. была значительно более скупа в этом вопросе) — дает общую характеристику всей системе рассматриваемого нами текста. Мы постепенно начинаем угадывать общую картину той государственной жизни, о которой мечтают руководители движения ВК: *жизнь эта должна быть построена прежде всего на праве постоянного контроля правильности того, что происходит в Казачьем Доме-государстве.*

—«»—

Мы закончили, как будто, обзор первых трех глав Союзной Конституции ВК. Говорим «как будто» потому, что нам придется все же вернуться к ст. ст. 1-23, ибо положения, устанавливаемые ими, будут в дальнейшем постепенно развиваться.

Анализ принципов Декларации Воли и основных положений о союзном государстве (I, II и III главы Союзн. Конституции) несомненно дали нам контур государственной системы. Даже, если не согласиться с нашей оценкой некоторых моментов политической истории и с нашими критическими определениями основных положений программы ВК движения — (мы касаемся этих положений постольку, поскольку, конечно, эта программа отражается в конституционных текстах, представленных нам, но не больше) — то можно уже надеяться, что читатель может теперь составить себе свой план критики наших критических очерков и, что важнее, вынести свои суждения о проектах Союзной Конституции ВК. Мы напоминаем об этом потому только, что угадываем те трудности, которые должен преодолевать читатель при следовании за сухим материалом, который мы должны, силою вещей, предложить его вниманию. Но мы надеемся, что наш труд будет все же полезным и что постатейный анализ Конституции будет шагом вперед при изучении той политической программы, которая совершенно необходима для создания своего Национального Дома: как необходимо уметь обтесывать и пригонять бревна для постройки хаты для своей семьи, так же точно нужно понимать те законы, на которых строится государство для своего народа.

—«»—

Если мы оглянемся на пройденный путь — Декларация и первые три главы Союзной Конституции, — то мы сразу установим одно бросающееся в глаза обстоятельство: если исключить из системы проектов принцип федерации, то вся Конституция (и это особенно будет видно в дальнейшем) примет очень простую и ясную форму — одна конституция, одна суверенность, одна террито-

рия без государственного ее дробления и, следовательно, никаких правовых конфликтов ни по поводу совпадения (или, вернее, несовпадения) конституций, ни по вопросам краевых «суверенностей». «Право союзное ломает право областное», — прокламировала в 1919 г. в Веймаре Германская Федеральная Конституция («Reichsrecht bricht Landrecht», art. 13 der Verfassung des Deutschen Reichs v. 11.VIII.1919). Эта короткая ст. 13 социал-демократической хартии еще более откровенна в «федеральном» вопросе, нежели Советская конституция 1936 г., о которой мы говорили выше. Так вот, чтобы не было того положения, при котором одно казачье положение «ломало» другое положение, и тоже казачье, чтобы избежать раз и навсегда «краевых» и «областных» конституционных конфликтов, надо отказаться от федерального принципа.

Такова наша точка зрения и, надо сказать со всей откровенностью, в этом мы решительно расходимся с авторами обоих текстов казачьих конституций. Нужна не «Союзная Конституция ВК», а *Казачья Конституция!*

Мы вовсе не являемся сторонниками коротких конституций, допускающих разноречивые толкования. Мы вовсе не теоретики «центральной и все централизующей власти», умаляющей традиционные права народностей — составных элементов страны, — но мы решительно против искусственных государственно-правовых построений и против создания сложных теорий, не соответствующих требованиям действительной жизни.

—«»—

Первые три главы Союзн. Конституции ВК должны быть, с нашей точки зрения, переработаны без того, однако, чтобы основная мысль авторов потерпела ущерб. Но надо, конечно, прежде всего решить вопрос: быть или не быть федерации. Мы опускаем в данный момент соображения чисто технического характера по поводу некоторых статей первых трех глав — (ст. ст. 22 и 23 о денежных взносах Областей и о налогах и пошлинах, о примечании к статье 21 по поводу обязательности применения по аналогии положений «Свода Решений в порядке Управления» и проч. и проч.) — чтобы не загружать внимания читателя и не затемнять общие контуры казачьей конституционной системы; соображения эти могут быть нами представлены авторам и редакторам Конституции, если в том будет надобность.

—«»—

Мы приступаем теперь к рассмотрению главы IV Союзной Конституции, трактующей вопросы гражданства, прав гражданина и их гарантий, а также и обязательств гражданина перед родиной (ст. 24-62 Союзн. Конституции 1939 года и ст. ст. 27-65 той же Конституции в редакции 1932 г.).

В этих почти сорока статьях авторы чрезвычайно подробно определяют положение гражданина в государстве. Развивая отдельные принципы Декларации Воли, устанавливая новые принципиальные положения, логически вытекающие из Декларации, и предлагая законопо-

ложения общего характера, авторы буквально тонут в громадном юридическом материале, выходящем за пределы Конституции. В самом деле, все, что касается прав и обязанностей гражданина, относится либо к декларативной части Конституции, т. е. к Декларации основных принципов, либо к общему законодательству, объемлющему всю сложность частно-правовой и государственной жизни. По этому поводу мы считаем необходимым дать некоторые разъяснения техники конституционного права.

Конституции должны были бы, собственно говоря, состоять только из «основных политических правил и положений о гарантиях публичных свобод» (д-р прав А. Бонд). Иногда в систему конституций вводились законоположения об организации административной и судебной власти, положения уголовного и фискального права и пр. Такова, например, система некоторых французских конституций (1791 г., III года, 1848 г.), такова общая концепция конституций отдельных Штатов С. А. С. Ш. и федеральной Швейцарской Конституции. Известный американский юрист проф. Брайс (Bryce, «The Republic of U.S.A.») пишет о том, что американские конституции развиваются обычно на пять частей: 1) — определение границ государства, 2) — «Bill of rights», т. е. декларация прав, 3) — система правительства, т. е. организация государственной власти, 4) — различные положения о милиции, о налогах, о публичных финансах, о государственных доходах и публичном долге, о местном самоуправлении, о рабочем законодательстве, о сельском хозяйстве, о государственных учреждениях и о порядке пересмотра конституции, и, наконец, 5) — об избирательном праве. Эти чрезвычайно развитые, логические и длинные американские конституции представляют тот недостаток, что они содержат большое количество положений второстепенного значения, и каждый раз, когда надо изменять одно из этих второстепенных положений, приходится, следовательно, изменять конституцию и прибегать к сложному аппарату предусмотренному на случай ревизии конституционного текста.

Противоположные системы заключаются в том, чтобы свести конституцию к самому необходимому. Такова система французской конституции 1875 г., действующей в настоящее время — (так называемой Конституции Третьей Республики). Она состоит всего на всего из трех конституционных законов, пересмотренных в 1879, 1884 и 1926 годах, и заключается в 25 статьях. Эта система оставляет целый ряд конституционных принципов в области *обычного конституционного права* и, кроме того, переносит второстепенные конституционные принципы в область общего законодательства, которые можно легко изменять в обычном парламентском порядке, не прибегая к сложной системе ревизии конституции Национальным Собранием. Эти конституционные положения, перенесенные в общее законодательство, называются *органическими законами*, которые и занимают, с точки зрения иерархии текстов, место между конституцией и общими кодексами.

Когда конституция содержит положения, не являющиеся по своей юридической природе

действительно конституционными, но относящиеся к *общему публичному порядку*, возможному при различных политических режимах, то принято считать и в доктрине и в практике государственного права, что, даже и при перемени режима и после прекращения конституции, подобного рода законоположения *остаются в силе*. Жизнь устанавливает железный закон, требующий уважения к культурным достижениям исторического прошлого и только большевики выжгли огнем и мечем все, что было сделано до них в области правотворчества и что приходится восстанавливать после двадцати лет бесправия.

Хотя мы и рекомендуем избегать переноса в конституцию положений общего характера, мы не являемся, однако, сторонниками системы французской конституции и предпочитаем промежуточную форму между французской и американской системами. Это разъяснение представляется нам необходимым, ибо, после чисто теоретических построений, мы только теперь приступаем к разбору той многогранной правовой системы, которую изложили нам авторы ВК конституционных текстов. Нам надлежит заняться не только критикой *по существу*, но и классификацией *по форме*, ибо и то и другое, т. е. и существо и форма, совместно определяет *систему всего национального законодательства* — (т. е. законодательства и конституционного и общего). В здоровой же стране должно быть и здоровое законодательство.

—«»—

Почти вся гл. IV (ст. ст. 36-62 Союзн. Конституции ВК 1939 г.) должна быть, по нашему мнению, исключенной из текста конституции по соображениям, приведенным нами выше, и составить то, что мы называли *органическим законом*, т. е., законом, изменение которого, несмотря на его конституционный характер, не требует сложной системы ревизии конституции. В этой главе IV мы встречаем, однако, во-первых, развитие некоторых положений Декларации, во-вторых — дополнения к некоторым положениям, с которыми мы уже встретились в первых трех главах Конституции и, в-третьих — новые теоретические положения, относящиеся к общему законодательству и представляющие, мы сказали бы, политико-юридический интерес. Как бы ни определять юридическую природу этих законоположений, нельзя не признать, что в системе национального законодательства законоположения эти имеют весьма жизненное значение, а потому мы находим необходимым анализировать их в таком же порядке, как мы сделали это с предыдущей частью Союзной Конституции.

—«»—

«Гражданство в союзном государстве является *общим* для федерированных областей» — (ст. 24 Союзн. Конституции, следуя тексту 1939 г.). Это положение, неизбежное при федеративном устройстве, представляется нам одним из звеньев той, чреватой политическими послед-

ствиями и юридическими трудностями, системы много-конституционности и разно-суверенности, о которой мы уже достаточно говорили, критикуя федерализм. Этой статьей 24 открывается Отдел I Главы IV «о гражданстве». Мы охотно опустили бы эту статью за исключением, однако, последней ее части: «Все граждане равны перед законом», являющейся воспроизведением Декларации Воли (ст. IV Д. В.). Повторения, конечно, неизбежны, ибо кратко изложенные принципы Декларации, естественно, сами собой напрашиваются на расширение и уточнения, необходимые для характеристики той или иной части конституции. Однако, мы рекомендовали бы все же уменьшить количество статей, упоминающих о несоответствии общих законов, или тех или иных актов власти, с Конституцией или Декларацией — (таковы, напр., статьи 4, 5, 20, 36, 39 и 45). Статьи эти должны быть сконцентрированы и составить *одно очень точное и развитое положение о необходимости согласования всего и вся, и при всех условиях, с Декларацией и Конституцией*. Это, казалось бы, чисто редакционное замечание имеет кроме технического и весьма серьезное теоретическое значение, ибо формулировка одного и того же принципа различными текстами ведет неизбежно к спорам в отношении толкования конституции, чего нужно тщательно избегать.

Мы не будем входить в обсуждение вопроса правильно или неправильно авторы конституции определили критерий, устанавливающий категории лиц, имеющих право на гражданство, но мы не можем не отметить тех принципов, которые авторы устанавливают по этому поводу. а именно: 1) — право на гражданство определяется не только по племенному признаку, а по признаку «локальности», т. е. не только по кровному происхождению, но и по *признаку действительной, жизненной связанности со страной* — (факт рождения, или непрерывного пребывания в течение определенного ряда лет — ст. 26); 2) — право свободного отказа от гражданства — ст. ст. 27 и 33; 3) — право на гражданство по рождению — ст. 29; 4) — запрещение двойного подданства — ст. 31 и 5) — право на натурализацию — ст. ст. 29 и 35.

Все эти положения соответствуют принципам новейшей теории права и весьма гуманны. Чрезвычайно интересно отметить то обстоятельство, что все граждане обязаны быть, согласно Союзн. Конституции ВК, *приписаны*, вне зависимости от фактического их местожительства, к какому либо из городов, станиц, хуторов или аулов Республики — (ст. ст. 26 и 30). Это положение характерно обычно для небольших государств с весьма традиционным укладом быта, для стран, где община связана всю жизнь с гражданином и как бы является «гарантом» его гражданской добпорядочности. Эта «приписка», являющаяся неременным условием состояния в гражданстве, обязательна и при автоматическом признании гражданства в момент вступления в силу Конституции (ст. 26) и для получения натурализации.

Отметим также, что исключение из гражданства может состояться лишь по постановлению Высшего Союзного Суда (ст. 32), что со-

вершенно логично, ибо лишение гражданина высшего его права, конституционного права на национальность, не может иметь место без санкции высшего органа, призванного конституцией «блюсти основной закон».

Мы не можем также обойти молчанием чрезвычайно интересный и актуальный вопрос, поднятый Союзн. Конституцией в ст. 29 о «конфликтном международном праве» в вопросе о национальности. Текст Союзн. Конституции 1932 г. этого вопроса не предусматривает. Вопрос этот актуален потому, что, после долгого периода изгнания, многие из казаков, а в особенности их иностранные жены и их дети, родившиеся за границей, окажутся, в силу законов иностранных государств, «иностранцами». За последние годы, в стремлении прикрепить подданством или гражданством родившуюся молодежь, целый ряд западно-европейских государств издал целый ряд особых законов о национальности. Эти законы с национальности, вотируемые каждый раз суверенно и, конечно, без того, чтобы эмигранты были спрошены об их желаниях, находятся очень часто в прямом противоречии («конфликте») с законами других стран: отсюда и проистекают и «конфликты законов» и «международное конфликтное право». Государства, ведущие каждое свою демографическую политику, не кодифицируют в международном плане этих законов, т. е. не считаются одно с другим, и этим создаются чрезвычайные трудности и для эмигрантов, и для их супругов, оказывающихся то «без подданства», то в «двойном подданстве». Так, напр., француженка, вышедшая замуж за эмигранта, натурализовавшегося в Италии, может остаться, согласно французскому закону 1927 г., француженкой: — эта же самая француженка считается, с точки зрения итальянского законодательства, итальянкой, ибо итальянский закон следует старинному римскому правилу: «жена следует национальности мужа». В особом положении окажутся и дети эмигрантов от браков с иностранками, родившиеся на территории родины их иностранных матерей: дети зачастую будут считаться подданными этих стран. Естественно будет желание эмигрантов, в момент возрождения родины, видеть своих жен и детей гражданами своего государства. Словом, примеров этого конфликтного беспорядка множество. Нам не приходилось встречать в иностранных законодательствах прокламирования принципа подобно тому, как это делает ст. 29 Союзн. Конституции ВК. Статья эта проникнута подлинно *правовым духом*, а не эгоизмом государства.

Мы отметили это положение, как характерное для той тенденции, которую избрали авторы конституционного текста; тенденция эта, однако, не должна переходить за пределы суверенности государства и принцип гуманности в вопросе о национальности вовсе не должен превращаться в своеволие граждан, ущемляющее интересы страны.

— « » —

Отдел II гл. IV Союзной Конституции ВК. горящий «о правах гражданина» (ст. ст. 36-43), начинается ссылкой на Декларацию, в ко-

торой собственно и перечислены все *основные права гражданина*. Ст. 25, помещенная в Отд. I «о гражданстве», должна быть перенесена в Отд. II «о правах», ибо она говорит «о *праве передвижения, выбора местожительства и занятия повсеместно, по всей стране*». Ст. 37 и 38, говорящие об *ограничении прав гражданина* мероприятиями, необходимыми для обеспечения мирного существования граждан, относятся скорее к *обязанностям*, нежели к правам гражданина. Ст. ст. 41, 42 и 43 о *рабочем законодательстве, о социальном обеспечении, о государственном отчуждении права частной собственности* в интересах государства и об *обратном (ретроспективном) действии уголовных законов, уменьшающих меры наказания*, — являются вовсе не основными принципами, и даже не органическими законоположениями, а текстами общего законодательства, а потому присутствие их в конституционном тексте, с нашей точки зрения, не нужно. (Напомним, что в данном случае авторы приняли систему американских конституций, о которых мы говорили выше). Перечисление это, как нам кажется, не нужно по той причине, что оно обязывает перечислять в главе «о правах» все без исключения права, проистекающие из основных принципов Декларации, что совершенно невозможно. Метод перечисления никогда не может привести к исчерпывающему «*списку прав*», он будет всегда ограничительным; — повторять же перечисление только одних принципов Декларации, нам кажется, бесполезно. Кроме того, как мы говорили, перегруженность конституции такими положениями значительно затрудняет возможность быстрого пересмотра подобных законоположений, ибо, как мы уже знаем, в таких случаях потребовалась бы «*ре-визия*» всей конституции.

Зато мы с особым вниманием отмечаем ст. 40 о *праве гражданина на «формулированное и мотивированное обвинение в течение 48 часов» в случае лишения свободы (т. е. ареста)*. Тут несомненно влияние английских конституционных теорий, основанных на вековой традиции и уважении к личности. Великая Хартия Вольности 1215 г. сказала в Конституции ВК 1932 и 1939 г.г. Это положение является естественным развитием принципа Декларации Воли о «*неприкосновенности личности*» (гл. IV Д. В.).

Упоминание о «*равенстве всех перед законом*» (пар. 3 ст. 24) мы рекомендуем перенести из Отд. I «о гражданстве» в отдел II «о правах гражданина» (ст. 36).

В заключение сегодняшнего обзора можно

сказать, что ст. 37 и 38, очень подробно разъясняющие цели мероприятий, ограничивающих права гражданина (в особенности часть вторая ст. 37 и пар. 3 ст. 38 Союзн. Конституции ВК), вносят определенный элемент авторитарности в систему народоправства.

—«»—

Таким образом, мы рассмотрели первую половину главы IV (Отделы I и II), касающейся гражданства и прав гражданина. Отдел I мог бы составить отдельный органический закон о национальности и, в качестве такового, следовать за основным текстом Союзной Конституции. Отдел II должен быть, с нашей точки зрения, переработан в том смысле, что главы II и IV Декларации Воли, перечисляющие гражданские права и свободы, должны быть развиты, а не только перечислены. Вопрос об оставлении этого отдела в рамках конституционного текста должен быть решен в связи с отд. III и IV этой главы.

Текст проекта Союзн. Конституции 1939 г. ВК в этих Отделах отличается от текста проекта 1932 г. кроме указанных нами выше деталей, еще и тем, что трактовка вопросов о гражданстве и о правах граждан более актуальна, нежели в тексте 1932 г., для которого авторы предпочли более сухую и академичную форму.

—«»—

В следующем очерке мы просмотрим вторую часть гл. IV (Отд. III и IV) «о гарантиях прав гражданина» и «об обязанностях гражданина». В Отделе III мы встретимся с тем последним из четырех принципов, которые составляют основу подлинно конституционного строя в стране и гарантируют формальную действительность и жизненную силу Декларации — (см. заключение нашего очерка в № 264 журнала «ВК» от 10.VI.39). Это — принцип *разделения властей*. В виду того, что главы V и VI трактуют вопросы о системе государственной власти, мы находим необходимым предпослать им краткий этюд теории разделения властей, проведение которой в жизнь обуславливает конституционность и гарантирует практически свободную жизнь в свободном государстве, — понимая свободу так, как это установила Декларация Воли 1939 г.

(Продолжение следует).

Юрист.

КАЖДЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ЛЮБИТЬ ВСЕ КАЗАЧЕСТВО БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЕБЯ САМОГО — ОДНОГО КАЗАКА.

КАЖДОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО ДОЛЖНО ИНТЕРЕСЫ ВСЕХ ВОЙСК ПОСТАВИТЬ ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ СВОИХ — ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ ОДНОГО ВОЙСКА. ЭТО БУДЕТ, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, И НАИЛУЧШЕЙ СЛУЖБОЙ СВОЕМУ ВОЙСКУ, ИБО

СПАСЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА И ЕГО ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ — В ОБЪЕДИНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В ОДНУ СИЛЬНУЮ КАЗАКИЮ.

ВНЕШНИЙ МИР С КАЗАЧЕСТВОМ РАЗЪЕДИНЕННЫМ ГОВОРИТЬ НЕ БУДЕТ, ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТЫВАТЬ НА ТО, ЧТО ВНЕШНИЙ МИР БУДЕТ СЧИТАТЬСЯ С ЕГО ИНТЕРЕСАМИ, ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТЫВАТЬ НА ПОМОЩЬ ВНЕШНЕГО МИРА В БОРЬБЕ СО СВОИМИ ПОРАБОТИТЕЛЯМИ.

„НАМАГНІЧЕНИМ ПОЛІТИКАМ“ ЯКІ ФАЛШУЮТЬ КОЗАЧУ ІСТОРІЮ

В числі 7-8 українського «Вістника» (липень-серпень за ц. р.) обіцяють нам відповідь на нашу статтю в числі 263 «ВК» — «Как вы к нам, так и мы к вам». Почекаємо.

Але в тому самому числі «В.» (того самого!) якийсь п. **Нестор Хименко** (маємо вражіння, що Євген Луговий та Нестор Хименко — лише псевдоніми однієї й тієї ж особи) обурюється проти п. **Л. Цегельського** за його прихильні до Козацтва статті в «Америці» (див. «ВК» ч. 259). Стаття п. Хименко називається «**Американський Пилип з конопель**» («Пилип» цей — це, на думку п. Хименко, — п. др. **Л. Цегельський**). В статті цій таки добре «дістається» від п. Нестора Хименка — «намагниченого політика» — п. д-ру Лонгину Цегельському — «розмагниченому політикові», а ще більше «дістається» нам.

Писав Луговий — відповіли. Пише Хименко — будемо відповідати і йому, бо **боємося, що в майбутній боротьбі серед українців може й більше знайтись таких ось Лугових та Хименок, які захотять в козацких справах піти шляхами Деникина.. до тих самих наслідків!..**

В деяких питаннях п. Хименко йде ще далі, ніж п. Луговий. Найбільш «цікаві» його твердження такі:

... «У кубанців були не «змагання до автономії», лише постанова Ради, перед першим відходом з Катеринодари, про федерацію з Україною, ще перед гетьманським переворотом. В поході, перебуваючи на Дону, Законодавча Рада Кубані вислала делегацію в складі: **М. Рябовола, К. Безкровного, Султан-Шахим-Гірея, Г. Омельченка, Д. Скобцова й П. Капліна** до Києва, де вона перевела переговори з гетьманським урядом. Ся делегація **пропонувала також федеративний зв'язок з Україною**, яка мала допомогти Кубані десантом в Тамані дивізії ген. **Натієва**. (Ся дивізія на Кубань не була послана). До Києва ж, майже одночасно, прибула ще й безпосередньо з Кубані делегація від Кубанської Національної Ради на чолі з адвокатом **Т. О. Левицьким..**

«Козакія є вигадка діячів, що вийшли на політичну арену переважно вже на еміграції. На своїй землі ся витівка (? Ред.) не була відома і в потенції...

«Етнічний склад населення території, яку мріють зайняти козакіїці, у головних частинах такий: більшість — масив його, творять українці, за ними йдуть росіяне, черкеси, карачаївці, кімліки, трохи вірмен, греків, жидів, німців і інших... Паперові державотворці з Козакії мріють повернути назад колесо історії й відновити панування козачої станової меншини над українською масою більшості населення. Для сього вони не спинаються навіть перед «ідеєю козачої нації»...

— Це — головніше — про нас, козаків. А ось про п. д-ра **Л. Цегельського**:

«Отже для українського автора постанови Ради й делегації, ухвалені ще на власній землі, — менше варті, ніж галас десятка збаламучених

емігрантів? Яким треба бути верхоглядом, щоб дійти до подібних висновків!...

На репліку д-ра Ц., що козаچه питання «заслугує на серйозну застанову з українського боку», п. Хименко відповідає: «але на ще поважнішу застанову заслугує писанина українців, які активно виступають в обороні **чужих інтересів**»...

І, докоряючи п. дра Цегельського, що він ніби «за чуба тягне українців прийняти кон'юнктурні домагання дрібної течії серед козаків-емігрантів», п. Хименко «переконує» його, що «не треба замість козаків приймати химерну «Козакію»...

А на те, що ми слово дра Ц. назвали розумним українським словом (див. ч. 259 «ВК»), п. Хименко меланхолічно кінчає так свою статтю: «Така вже доля подібних політиків, що їх слово буває «розумним» лише для чужих».

Все.

Як бачимо, коли хто з українців поставиться прихильно до козаків (не зза прекрасних козацких очей, а зза правильного розуміння інтересів самої ж України, що цілком натурально), то зараз же найдуться два (а може й більше!) українці, які це рахують обороною «**чужих інтересів**». Очевидно, що для тих українців негачія козачого питання та ворогування з козаками — «**оборона українських інтересів!**» Для них, тих українців, прозвалили та політично доцільне українське слово в козацких справах — слово **нерозумне**. Очевидно, що для них **легковажне, несерйозне або лайливе українське слово в козацькій бік — то дійсно розумне українське слово!..**

Так говорять з нами і росіяне. І, правду кажучи, ми не бачимо різниці між українським націоналістом Хименком чи Донцовим та руським демократом Мілюковим...

Добродій Хименко рахує, що на Козацких Землях козаків нема, а живуть там: «українська більшість», потім йдуть: росіяне, черкеси, карачаївці, кімліки, трохи вірмен, греків, жидів, німців і інших.

Добродій Хименко запозичив це у т. Сталіна: той теж каже, що козаків нема, лише він рахує, що на тих самих Козацких Землях живе перш за все «**руська більшість**», а потім уже йдуть: українці та інші всякі дрібноти...

Очевидно, що **якби сталося так, що замість Сталіна на Козацких Землях запанував добродій Хименко, то для самих Козаків від того краще не було б!..**

Тому й відповідь наша Хименкові така ж сама, як і Сталінові...

Так, не спинаємося навіть і перед ідеєю козачої нації! І не спинимося, щоб на це не говорили всякі Хименки...

Як би ми так ставилися до українського питання, як ставиться п. Хименко до питання коза-

чого, ми те ж могли б сказати, що все те, що роблять зараз українці за кордоном, все це є вигадки діячів, що вийшли на політичну арену переважно вже на еміграції.

Очевидно, що п. Хименко рахує, що вихід на політичну арену у козаків чомусь обмежений роком 1920. Лише — **чому ж не обмежений він — вихід — для українців, для самого Хименка?**

Але можемо заспокоїти п. Хименко: серед тих молодих козачих діячів, які вийшли на політичну арену вже на еміграції (з нашої точки погляду цей факт являється великим плюсом ВК руху, бо — щоб же було, наколи б все обмежалося роботою лише старих політичних діячів? Тоді не було б у козаків дисно майбутнього. Ми гадаємо, що на цьому місці п. Хименко зробив нам не лише комплімент, але й оголосив нам велику будучину!), є й такі, яких ген. Деникин рахував ще там в 1920 році лідерами Чорноморців...

Або п. Хименко не зна правди, або він її й не хоче знати. Видно це й з того, що він каже про «витівку» і що ніби вона «на своїй землі не була відома і в потенції». — Тяжко довести що тому, хто не хоче подивитися правді до очей, хто не хоче рахуватися з історичними фактами...

Що до «постанови Ради про федерацію з Україною», яких — **ні постанови, ні федерації — не було**, то за більш детальною відповіддю на ці теми відсилаємо читача до нашої відповіді п. Луговому в ч. 265 «ВК».

Але п. Хименко твердить, що не лише Рада виносила постанову про федерацію, але й та делегація, яку Кубанська Законодавча Рада посилала в травні 1918 р. до гетьманського уряду в Київ, «пропонувала також федеративний зв'язок з Україною».

Так пише Хименко. Як же було в дійсності? Відсилаючи делегації до Новочеркаську, до німців та до Києва, Рада прийняла деякі постанови, які не являються секретом (хто хоче знати про це детальніше, хай прочитає ті постанови в І ч. «Трагедії Казачества», або в «нарисах» п. Сулятицького стор. 180-181). П. Сулятицький там же окреслює постанову Ради, як **«дуже обережне відношення до України»** (очевидно, що постанову про федерацію він вітав би не так кисло)!

Про те, з чим повернулася делегація з Києва, пише б. голова Кубанського уряду Л. Л. Бич в своїй відповіді п. Сулятицькому (див. вже цитований нами в попередніх числах «ВК» «Збірник», стор. 273) і пише так: «Київська делегація (себто делегація, яку послала Кубанська Рада в Київ. Ред.) не формулювала наперед предмета наради (Новочеркаської наради після повороту делегації з Києва. Ред.). На самій нараді в імені Київської делегації не було зроблено жадної пропозиції, як не було передано і яких будь конкретних умов з боку тодішнього Гетьманського уряду. На нараді ж питання обговорювалося й рішалося в площині: **з ким іти звільнювати Кубань від большевиків — з Німцями, чи безпосередньо самим при допомозі Добраармії**»...

Себто: **посилаючи делегацію в Київ, Рада нічого не говорила про федерацію з Україною, а сама делегація, повернувшись з Києва, нічого не**

сказала тим, хто послав її, що вона там ніби «пропонувала федеративний зв'язок з Україною».

Той, хто пише ці рядки, як член Ради, брав участь в тому засіданні Ради, на якому ухвалено було про посилку делегації, і був на тій Новочеркаській нараді, на якій делегація робила звіт свій про свою місію, і тому добре зна, про що тут говорить.

Отже, або «в інтересах України» говорять неправду зараз українські автори про «пропозиції» кубанської делегації, або делегація, зробивши пропозиції і одержавши негативну відповідь, не сказала потім нічого Раді про свою «невдачу»..

Пан Хименко говорить лише, що делегація «пропонувала федеративний зв'язок», але нічого не говорить про те, яку ж відповідь дістала вона від гетьманського уряду? Приймав чи не приймав ту «пропозицію» київ? — Як що приймав, то чому мовчав про те і надалі поводився з Кубанню, як с самостійною державою і навіть послав свого туди посла? Як що не приймав, то чому? І як що не приймав, то яке право мають тепер Хименки посилатися на відкинуті українцями кубанські пропозиції та ще й надавати їм якоїсь формальної сили?

Але як тепер перевірити поведінку кубанської делегації, яка, як що вірити Хименкам та Сулятицьким, якось обдурила Кубанську Раду і, перевищивши свої уповноваження, робила свої «пропозиції», про долю яких п. Хименко так і не каже нічого? — Як перевірити? **І кому нам більше вірити — своїй делегації, чи п. Хименкам та Сулятицьким, яким, як ми вже не раз переконалися, не йшло і не йде про правду, а за всяку ціну — про «приєднання» заднім числом Кубані до України?..**

З шости членів делегації три вже мертві (Рябовол, Безкровний та Султан Шахим Гирей), доля одного (Капліна, що залишився під Совітами) невідома і лише два лишилось в живих, що й перебувають зараз за кордоном, — це Г. В. Омельченко та Д. Е. Скобцов. Як що ці рядки дійдуть до них, **вони мусять сказати правду.** І коли ця правда дійсно така, як кажуть це Хименки та Сулятицькі, то нехай скажуть — **і чому ж вони до цього часу мовчали з усім цим?**

Але мусимо ще раз тут же підкреслити, що з тією «федерацією» дійсно сталося щось дивного **два рази найменше: виносили постанови, робили пропозиції, але і та сторона, яка виносила постанови та робила пропозиції, і та, з якою «федерувалося», в усій своїй політичній практиці поводитися так, як би вони про ті постанови та пропозиції не знали й не чули:** обмінювалися послами й місіями, визнавали назаєм один одному самостійність, встановлювали та визнавали між собою державні кордони та інше...

Плутають щось пани Сулятицькі та Хименки!..

Пан Хименко пише так, що ніби за «пропозицію» кубанської делегації про «федеративний зв'язок» Україна «мала допомогти Кубані десантом в Тамані дивізії ген. Натієва».

Цікаво б знати: **що це за таємнича дивізія не менш таємничого ген. Натієва? І чому ця дивізія,**

яка могла б так охоче допомогти Кубані, ні в якій мірі не допомогла самій Україні? Так само ми не чули, щоб і ген. Натієв боровся за українську самостійність... Чи це не фікція — і сама дивізія і її генерал?

Щоб покінчити з усіма «оккультними» частинами тексту п. Хименко, мусимо ще додати, що самим кубанцям нічого не відомо що до «Кубанської Національної Ради», «делегатія» якої, на чолі з адвокатом Т. О. Левицьким, «майже одночасно прибула» до Києва (одночасно з делегатією Ради) «безпосередньо з Кубані». Або її, тієї «Нац. Ради», не було, або вона десь була на папері і нічого не робила. В усякому разі, козаки про неї та про її «діяльність» нічого не чули й не знають. П. Сулятицький (п. Хименко всі свої відомості та твердження взяв у Сулятицького) пише, що делегатії п. Левицького «також було обіцяно надіслати допомогу Кубані» (стор. 183), але ми мусимо підкреслити, що Кубань тієї допомоги не бачила. Або її не було, або вона попала не в руки Кубані...

На закінчення — де-кілька загальних уваг:

Перш за все: як що «українська більшість» скрізь (в Галичині, в Буковині чи на Підкарпатті) така, яку деякі «намагнічені» українські «не політичні» діячі (чи просто писаки!) рахують на Землях Козаких, себто — якщо «методи» підрахунків та «маніпуляції» з фактичним матеріалом і там такі, як ось у Хименка в статті, яку цитуємо, то — українські справи там не більш блискучі, ніж у нас...

Бачимо лише, що бажання у деяких намагнених українців володіти козацькими територіями дуже багато, а «аргументів» для того дуже мало. От вони й «створять» такі «аргументи»...

«Жаловали» колись руські царі казакам те, що належало казакам (нашим салом...). Вони, царі, «далекозоро» виписували грамоти, «творили» «документи», яким ще йдосі де-які дурні козаки вірять. Але зараз бачимо, як де-які українці теж видумують зараз «факти» для майбутнього, творять «прецеденти» — може що й «пригодиться» колись.

Фальшували козаку історію руські історики в інтересах руської політики й російської імперії. Зараз на наших очах де-які «намагнічені» українські журналісти пробують фальшувати козаку історію в інтересах української політики й української якоїсь уже сверхсоборности. Не віри-

ли козаки руським історикам і прийшов час, коли вони подивились в своє минуле своїми очима. Не повірять ніхто з козаків і брехні українських Хименків чи Лугових.

І «намагніченим» українським діячам не слід забувати, що на брехні чи нещирості не можна збудувати нічого солідного, а в тому разі — й держави...

Не знаємо, чи думав що п. Хименко, коли писав, що Козакий національно-визвольний рух не є щось серйозне, бо, мовляв, діячі його, нашого руху, «вийшли на політичну арену переважно вже на еміграції». Заперечуючи появу молодих сил, хоч би й в еміграції, у козаків, він мусить, по логіці, заперечувати появу їх і в українців. Чи у п. Хименка для нас логіка одна, а для себе інша?

Але очевидно, що для п. Хименка лише ті політичні діячі мають ціну й авторитет, які працювали (і програли!) ще там, дома? — Але хіба ж співробітник п. Донцова п. Хименко не читав у «Вістнику» всього того про старих українських діячів, що писав там про них п. Донцов? Чи це може тепер п. редактор «Вістника» не читав того, що написав п. Хименко? — Чи може й у редактора «В» дві правди і дві логіки — одна для себе, а друга для нас, козаків?

Як би козаки й українці послушалися п. Хименка, вони скоро б уперлись в глуху стіну: дійсно, прийде час, коли «старі» політичні діячі, у кого вони єсть, перемруть, а тоді вже — кінець всьому, бо як би молоді почали що робити, вони ризикували б обуренням п. Хименка...

Але мусимо ще раз підкреслити, що п. шеф п. Хименка серед живих ще українських діячів недавнього українського минулого нікого не найшов ідосі путнього... Чому ж цього безвихідного кола п. Хименко не хоче визнавати для себе, а хоче лише підкинути його нам?

Пан Хименко гнівається на п. дра Цегельського та охрещує його «розмагніченим політиком». Не знаємо пана дра Цегельського особисто. Знаємо його лише по слову його, яке сказав він з приводу козако-української проблеми. І слово те його було розумним словом.

Не знаємо й п. Хименка (але, як уже й казали, маємо вражіння, що це є псевдоним), але почули ось і його слово і бачимо тепер, що коли п. Ц. є «розмагнічений політик», то п. Хименко — просто намагнічений дурень, який шкодить більше Україні, ніж нам, казакам.

В № 3-4 (5-6, 15 июля 1939) журнала «La Revue de Prométhée», виходящего в Париже на французском языке, под редакцией О. Шульгина и посвященного, как сказано в его подзаголовке, изучению национальных вопросов народов восточной Европы, средней и северной Азии, напечатана статья Ростислава Шульгина под заголовком: «Украина, географический эскиз», а в статье той есть такие места:

«На севере границы (Украины) поднимаются почти до истоков рек, принадлежащих к бассейну Черного моря, тогда как на востоке географические границы Украины идут приблизительно по течению Дона... Гидрографическая система Украины особенно характерна и придает этой стране действительное географическое единство. В самом деле, все большие реки — Днепр, Буг, Днестр, Дон и Кубань текут к Черному или Азовскому морям»...

Итак, болею Р. Шульгина (сына редактора того журнала) Дон и Кубань перестали быть казачьими, а стали уже украинскими реками.

Удивительного в этом ничего нет, т. к. точка зрения редактора «Prométhée» на казачий вопрос не отличается по существу от позиций Луговых, Хименок и Сулятицких (см. его книгу «Без территории» и наш ответ на нее в № 160 «ВК»).

— К сведению г. г. Шульгиных мы все же еще раз хотим заявить, что имеем намерение сохранить Дон и Кубань и впредь за собою — даже если это будет им, Шульгиным, и неприятно.

ИВ. КОВАЛЕНКО (Скубани).

* * *

Как скучно жить! Как больно верить,
Что я умру в стране чужой
И не откроются уж двери
Отцовской хаты предо мной!

Как ноет грудь и давят мысли —
Ведь жизнь прошла, зачехнув зря,
Без яркой цели и без смысла
Свечей коптящею горя...

Что сделал я? В ком луч надежды
Зажег, хоть раз, мой грустный стих?
Чьи осушил от слез он вежды?
Чью душу облегчил на миг?

И что в наследие потомку
Оставляю я? — Мою клюку
Да эмигрантскую котомку —
Все, чем владел я на веку...

А впрочем, был и я богаче:
В моей груди хранилась месть
К тиранам Родины казачьей,
Любовь к Свободе, Долг и Честь.

Но этот сердца клад незримый,
Эту жемчужин ценных нить
К ногам Казакии родимой
Я завещаю положить...

Горские виды на казачьи территории или планы и карты „фантазеров“

В Варшаве группой кавказских горцев издается журнал «Северный Кавказ». Журнал этот является органом «Народной партии горцев Кавказа», ставящей себе задачу образования Горской республики на Северном Кавказе. Границы этой будущей республики, печатаемые на обложке их журнала, проходят по левому берегу р. Кумы, оттуда — к Ставрополю и дальше правым берегом Кубани к Азовскому морю...

Как видим, это даже больше того, что г. Балинов «уступил» другой горской группировке...

Хотя мы и не можем серьезно относиться к таким горским аппетитам, но считаем, что **знать о таких аппетитах казаки должны** и знать — лучше раньше, чем позже...

Журнала «С. К.» мы не видели уже несколько лет. Но недавно случайно в наши руки попали четыре последних его номера. В одном из них мы прочитали любопытное «обоснование» горских территориальных притязаний в сторону казачьих территорий. А именно: в номере 51-52 (июль-август 1938) напечатана статья г. **Мирза-бек Кулатти** под названием «Условия обороны Северного Кавказа». С сутью этой статьи мы и считаем необходимым познакомить своих читателей.

Господин Мирза-бек Кулатти пишет:

«...При ближайшем рассмотрении территории Северного Кавказа мы увидим, что в силу особого характера теренных и ситуационных местных условий, **определение его северных рубежей тесно связано со стратегическими возможностями обороны***). Выявление с такой точки зрения этого характера поверхности и пространства Сев. Кавказа и составляет предмет настоящей статьи.

Создав в центральном положении Кавказа неприступные горы... природа открыла к ним свободный, без более или менее серьезных препятствий, доступ с севера, ограниченный с востока и запада морями...

«...Веря в историческую устойчивость нашей нации, мы должны изучать способы защиты ее безопасности и в настоящем, учитывая, что эта безопасность схематично сводится к тому, что **необходимо, надлежащим образом, закрепить за собой свободный проход в наши земли**. Вопрос, в общем, заключается в изыскании **природных стратегических линий обороны**, которые бы отвечали и политическим условиям на местах и реальным возможностям.

Такой идеальной линией могла бы быть, как это отчетливо видно на карте, северная граница Кавказа, идущая по Волге от Астрахани до Царицына, потом

по суше до Дона и далее по Дону до Азовского моря. При упомянутом разграничении образуется общая граница с дружественным Идел-Уралом на протяжении 400-450 км. и лишь от Царицына до Ростова на протяжении 450 км. граница остается активизированной, что составляет как раз половину длины межи по Куме, Маньчу и Кубани. При том, граница бы шла почти сплошь по рекам — Волге и Дону, естественным рубежам, представляющим значительные коммуникационные препятствия. Само собою разумеется, что этим одновременно оборонная линия отводится в среднем на 200 км. на север от наших главных стратегических баз и путей сообщений.

К сожалению, это решение, представляющее исключительные выгоды для всего населения Кавказа и Калмыкии, практически трудно проводимо в жизнь, так как связано с федерацией Кубани и Калмыкии с Кавказом, что в настоящее время представляет собой лишь теоретическое предположение. Причины последнего суть чисто политические. Они тесно связаны с казачьей проблемой и, в частности, с решением донского вопроса. В данное время трудно намечать в этом вопросе те или иные комбинации, ибо **казачья политическая мысль до сих пор не выкристаллизовалась...**

Нужно, однако, полагать, что выставленное выше гипотетическое очертание Кавказа, еще раз будет предметом исследований, т. к. **в бассейне реки Дона, как в фокусе, перекрещиваются самые разнообразные геополитические силы**, на уравнивание коих потребуются много энергии, политического такта и конструктивного реализма. Варианты этого решения возникнут при **федерации, в отдельности, или Кубани, или Калмыкии с Кавказом**. Стратегические выгоды и невыгоды их легко себе уяснить, сравнив варианты с основным решением.

Первый из вариантов представляет собой знаменитую мансуровскую границу Кавказа, считающуюся его исторической границей, открытая часть коей, без каких бы то ни было естественных препятствий, равняется всего лишь 250 км., представляя собою минимум из всех возможных вариантов.

Следующим естественным рубежом Кавказа, который может служить очень выгодной природной базой обороны, является **Кумо-Маньчская впадина — с переходом по Егорлык и Кубани к Таманскому перешейку**. Остановимся на нем более подробно потому, что это очертание Кавказа на севере отвечает современной политической обстановке на местах и нашему историческому праву. Общее протяжение этой границы равняется приблизительно 900 км., причем нужно

*) Подчеркнуто везде нами. Ред.

предполагать, что она по всей длине может находиться под угрозой противника.

Глубина тылов, считая и горы, простирается от 50 км. до 200 км. Отсюда явствует, что **наши главные порты: Цемез (Новороссийск), отчасти, и Туапсе** не могут служить во время войны пунктами снабжения, так как их линии сообщения с главными центрами будут находиться в зоне первых активных действий. Отвечающими требованиям обороны с суши можно считать более южные порты Кавказа и в особенности Сухум-Кале, не принимая во внимание их навигационную пригодность, так как Клухорский перевал и выгодные теренные условия на запад от линии Сухум-Кале — Клухор — Батал-Паша дают возможность их прикрытия и гарантии достаточной безопасности снабжения не только в направлении Ставрополя, но и на восток — к Кабарде. Кроме этих морских баз снабжения указанная оборонная линия, назовем ее «первой», имеет еще к диспозиции порты Каспийского моря, которые, нужно полагать, будут находиться всегда в руках Кавказа и его союзников.

Внутренние кавказские коммуникационные линии, как то: Кутаис-Мамисонский перевал — Дарг-Кох, Тифлис — Турк-Кала (Владикавказ), жел. дорога Баку — Шамиль-Кала (Петровск?) и другие менее важные, естественно, тоже должны быть приняты во внимание и, соответствующим образом, технически оборудованы, ибо снабжение с моря, в особенности с Черного, в известных случаях будет всецело зависеть от их грузоподъемности.

При самых скромных военных познаниях ясно видно, что **центральным пунктом опоры нашей первой оборонительной линии является Ставропольское плато.** Оно может послужить наивыгоднейшим пространством для дислокации системы крепостей, предназначенных отразить наступательные акции самого опасного для нас направления — на Ставрополь. Вероятность последних предопределяется, с одной стороны, характером пересеченности Кавказских гор, дающих возможность изолировать отдельные части Северного Кавказа друг от друга, а с другой стороны — коммуникационными и ситуационными условиями тыла противника, предоставляющими ему в этом направлении большие возможности для соответствующей концентрации войск.

Наконец, этот укрепленный район будет служить прикрытием для наших главных сил, которые могли бы использовать преимущества своего центрального положения для действий по внутренним операционным линиям. Фланговые удары и десанты противника с Черного и Каспийского морей в упомянутой ситуации могут быть парализованы по частям, тогда как с потерей Ставропольского плацдарма эта возможность переходит в руки неприятеля.

Кроме того, упомянутая оборонительная линия дает достаточно глубокие тылы, вполне обеспечивающие возможность переброски в них войск и грузов и в наиболее уязвимую часть Северного Кавказа — Западную Адыгею.

Мы имеем в виду коммуникационные линии вдоль фронта, отсунутые, елико возможно, далеко вглубь гор, так как одним из следующих, наиболее подверженных ударам противника направлений, нужно считать **Майкоп**, положение которого тесно связано с общей ситуацией у Ставрополя.

Что касается Астраханского фронта, то здесь, вследствие отсутствия удобных дорог и воды, следует ожидать скорее короткие удары моторизованными единицами... Это оперативное направление противника имело бы целью отрезать всю Адыгею от Чечено-Дагестанского района, используя долину реки Терека, который, разрыв предгорья и обнажив главный хребет, создал Ахиллесову пятую нашей обороны. Очевидно, что и в данном случае этот маневр неприятеля может быть с успехом парализован контр-акциями из Дагестана и Ставропольского укрепленного района, дающего возможность провести необходимые перегруппировки без угрозы ослабления устойчивости главного фронта. Само собою разумеется, что главной базой всей обороны должны быть неприступные части Дагестана, где следует централизовать важнейшие военные учреж-

дения и военную индустрию, кроме заводов местного значения.

Таково общее положение на нашей первой оборонительной линии, которое ясно показывает, что **без овладения Ставропольским плато нельзя ручаться за безопасность и политическую стабилизацию Кавказа**, представляющего и с этой точки зрения геополитическое единство.

Конкретные последствия иного решения легко себе представить, если предположить, что противнику удалось занять ставропольскую укрепленную систему. В таком случае, в силу объективных условий, наиболее пригодной позицией, отвечающей характеру терена, была бы, скажем, наша «вторая оборонительная линия» — от Каспийского моря вверх по Куме с упором в горы.

Конечно, возможны и промежуточные фазы борьбы между первой и второй линиями, даже с временным удержанием Западной Адыгеи. Однако, вероятность продолжительного успеха в таких условиях весьма мала.

Крайняя невыгодность такого исхода — вне всякого сомнения. Таким образом, **императивной задачей нашей политики является утверждение за нами «первой оборонительной линии».**

Наконец, последний этап защиты Северного Кавказа определяется бассейном реки Терека и связанной с ним орографической системой. Это была бы наша «третья оборонительная линия», с непосредственным упором на Чечню и Дагестан, что привело бы нас к положению, существовавшему 100 лет тому назад.

Вот, в самых общих чертах, наше крайне обобщенное представление процесса защиты Кавказа.

Положение (это) не может измениться от интенсивности помощи с юга, которая никогда не может быть так значительной, чтобы могла компенсировать стратегические затруднения, вытекающие из того или иного демаркационного решения...

— « » —

Мы намеренно привели выше такую длинную выдержку из статьи г. Мирзы-бек Кулати, так как считаем, что в таком случае чем полнее цитата, тем меньше нужны к ней комментарии.

В самом деле — какие же еще нужны здесь комментарии, если и без того все ясно и понятно!

Горцы из «Северного Кавказа» оперируют с казачьими территориями так, как если бы там казаков уже не было, а были там вместо них сами горцы. — Нам остается показать им, что они «ошибаются»... А если они на таких своих «ошибках» будут настаивать, ответить им **такое же мерою...**

Горцы, проводя свои будущие границы (правда — пока на бумаге!) считают только со своими собственными интересами. — Почему мы должны поступать иначе?

Подходя к вопросу будущего размежевания границ со стратегической точки зрения, горцы, очевидно, дают и нам, казакам, подойти потом к пограничным вопросам с той же точки зрения. Мы на нее (ту стратегическую «точку зрения») посмотрим, конечно, со своей, казачьей, точки зрения.

Для горцев на первом месте — соображения стратегические. У нас таких «соображений» больше, а первое из них — тот факт, что **на тех территориях, которыми манипулируют горские стратеги, живут казаки и уходить оттуда не собираются.**

До сих пор мы думали, что наилучшими стратегическими границами в нашем случае являются границы этнографические.

Но, как видим для горцев из «С.К.» воли и желания населения «заинтересованных» территорий не существует. — Почему же мы должны думать и поступать иначе?

Умеют или не умеют горцы рассчитывать свои силы со своими проектами, это их дело, а не наше. Но мы видим, что **Казачьего вопроса для горцев не существует.** Почему же для казаков должен существовать горский вопрос?

В заключение этого нашего короткого «резюме» по поводу горских притязаний хочется сказать самим горцам: проекты ваши, конечно, смелые, но — и только!

Нет, не крепости Ставропольского плато охраняют вашу самостоятельность. «Плато» то вам пришлось бы сначала завоевать и — неизвестно еще, хватило ли бы ваших сил на то.

Говорим вам совершенно искренно: там, где живут казаки, будет или Казакция или Россия. Никто третий!... Там, где живут горцы, тоже будут или Горцы или Россия.

Если там, где живут казаки, будет Казакция, то там, где живут горцы, сможет существовать и Горская республика (тогда это будет зависеть только от самих горцев). В этом случае Кавказ вообще получит свою свободу даром...

Если же по тем или иным причинам там, где живут казаки, будет Россия, то совершенно неизбежно,

что и там, где живут горцы и вообще кавказцы, тоже будет Россия.

—«»—

Не знаем, что это такое за «знаменитая мансуровская граница», но хорошо знаем, что среди кубанцев до сих пор еще не было сторонников федерации Кубани с Кавказом...

Во всяком случае, будет кстати, если ты, читатель, в связи с вышеприведенной выдержкой из «С. К.», прочтешь еще раз о «планах» г. Балинова в № 222 «ВК». Как видим, «завеса» над планами и проектами этого весьма приближенного сейчас к одному из Войсковых Атаманов человека — так легко пошедшего на некоторые планы и проекты горские, — приоткрывается все больше...

А если есть у тебя под рукой номер 221 «ВК», то прочитай там одновременно и статью «Кто они?» — пригодится.

„НЕДОРАЗУМЕНИЯ“ МЕЖДУ „СОЮЗНИКАМИ“

Когда возникло ВК движение, оно встретило недружелюбный прием не только со стороны некоторых украинских кругов, но особенно со стороны некоторых горцев. Составился даже как будто горско-украинский антиказачий блок. Антиказачью позицию этого «блока» мы не раз чувствовали — на разных местах...

Но появились «недоразумения» уже внутри самого горско-украинского фронта. Для иллюстрации этого нашего утверждения приведем ниже некоторые выдержки из номера 55-56 того же горского журнала «Северный Кавказ» (ноябрь-декабрь 1938). Приведем их без всяких комментариев, ибо там все ясно и понятно.

Итак, в номере 55-56 «С. К.» напечатана статья г. Темю Базырыкхо под названием: «Украинская проблема и мы», а в статье той есть такие места, посвященные «украинскому максимализму» (так сказать — «горский максимализм» против «украинского максимализма»!):

«Украинский максимализм, созидаящий Украину от Карпат и до Кавказа, подводящий границы Украины к Баку и Апшеронскому полуострову, работает, в конце концов, в пользу тех сил, которые распад России рассматривают, как собственное поражение. Поэтому-то, именно, эти силы наиболее охотно печатают фантастические карты, издаваемые такими учреждениями, как Украинское Бюро в Лондоне или досужие демографические исчисления «ученых», вроде доцента Кубийовича, которым мы уже в 1935 году посвятили специальную статью («С. К.» № 16)... Указывая на бес-

почвенность «пропаганды» украинских максималистов, мы тогда писали: «Бессмысленность и вредность подобной тактики — очевидна. Она не только может вызвать сомнения в сердцах народов, борющихся рука об руку с Украиной за свою независимость, но и способна стать причиной реакции тех «сильных мира», кому отнюдь не улыбается сознание в бассейне Черного моря и на путях к Ближнему Востоку «второй России» в лице «Украины» гг. Кубийовичей и «Ханук-беков». — Мы и сейчас разделяем эту точку зрения, высказанную более трех лет тому назад. Филоукраинский восторг т. н. антифашистской печати еще более утверждает нас в ней. Поощряя украинский максимализм, направленный в значительной степени и против народов, борющихся совместно с украинским народом за свое освобождение, в частности — против Северного Кавказа, или же осуждая его, — антифашистская печать стремится, в сущности, к одному: к сохранению «единства» России»...

—«»—

Словом, одни авторы фантастических карт недовольны авторами других фантастических карт.

«Встретились» две фантастические карты. Обе — не признают Казаков, т. е. не хотят видеть действительности и считаются с нею, а витают в области собственных фантазий. Поэтому так фантастическими они и останутся. И вред принесут только самим «фантазерам»...

ПОРА НАМ ПЕРЕСТАТЬ БЫТЬ ЧУЖИМИ СТОРОЖАМИ.

Вторую часть своего «Курса Русской Истории» проф. Ключевский заканчивает так:

...«В XVI в. (совсем недавно, как видим! Ред.) образовался центр государства (Московского. Ред.), которое наконец перешло от обороны в наступление на азиатские гнезда, спасая европейскую культуру от татарских ударов. Так мы очутились в арьергарде Европы, оберегали тыл европейской цивилизации. Но сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается, особенно когда она исправна: чем бдительнее охрана, тем спокойнее спится охраняемым и тем менее расположены они ценить жертвы своего покоя»...

Привели мы этот отрывок не затем, чтобы подтверждать или отрицать утверждение проф. Ключевского о роли Московского государства по отношению к Европе, а вот почему: было время, когда Казачество по отношению к России несло большую сторожевую службу и было не в арьергарде России, а в авангарде ее. И есть еще среди казаков и теперь такие, кто хочет, чтобы и в будущем казаки стали на такую сторожевую службу и в России будущей...

Что дала Казачеству прошлая «сторожевая служба», мы все хорошо знаем. Что дала бы она в будущем, мы тоже хорошо знаем, но не все казаки хотят нам верить. Так вот: пусть эти казаки — сегодня еще «русские казаки» — внимательно прочтут своего рода приговор русского историка: **Сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается, особенно когда она исправна: чем бдительнее охрана, тем спокойнее спится охраняемым и тем менее расположены они ценить жертвы своего покоя...**

— Пора Казачеству перестать быть чужими сторожами, пора стать на охрану только своей Земли, своих казачьих рубежей, своего Казачьего Отечества, своего Казачьего Государства!

А БЫЛО ВСЕ ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ 230 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

В настоящем, 1939, году исполнилось 230 лет со дня Полтавской битвы, в которой Запорожцы вместе с украинским гетманом Иваном Мазепой были на стороне шведского короля Карла XII.

Было это не так давно, всего 230 лет тому назад...

Каковы же были тогда отношения между Запорожскими казаками и московским царем Петром?

Вот что рассказывает об этом **Д. И. Эварницкий** в своем трехтомном труде «История Запорожских Казаков» (читая труд Эварницкого, надо иметь в виду, что писался он при Александре III и посвящен был «Его Императорскому Высочеству Наследнику, Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу, Атаману всех казачьих войск»). Этим же объясняется и некоторая терминология, а также и то, что часто, вместо слов Украина или украинский, встречается Малороссия или малороссийский. Эварницкий не казак, но очень любил историю Запорожья. Конечно, давно уже пора, чтобы казаки сами написали свою собственную историю, но для этого сначала нужно, чтобы казачьи историки установили всю правду о казачьем прошлом... Пока же, к сожалению, приходится пользоваться чужими трудами, не всегда освещающими прошлое Казачества в надлежащем свете... То, что будет приведено ниже, взято из первого тома труда Эварницкого, изданного в Петербурге в 1892 году).

Говоря о разорении Петром Чортомлыцкой Сичи Запорожья, **Д. И. Эварницкий** (стр. 122 и следующие) рассказывает:

...«**Чортмлыцкая Сич** была разрушена войсками русского царя Петра I в знаменательный для России 1709 год. Вот как произошло это по словам летописцев и историков.

Когда малороссийский гетман **Иван Мазепа** отступил от русского царя, тогда и Запорожцы, забыв свою недавнюю неприязнь к Мазепе, горя ненавистью к Москве за порядки, введенные ею на Украине, и за постройку русских городков в самом Запорожье, на речке Самаре и на урочище Каменном-Затоне, а главное, желая видеть «свою отчизну, милую матку, и войско запорожское, городное и низовое, не только в ненарушимых, лечь и в расширенных и размноженных вольностей ветвистую и изобилующую», решились отделиться в «непраламанную оборону наияснейшего короля шведского Карла» и выступить против русского царя Петра.

На ту пору у них был кошевым атаманом **Константин Гордиенко**, иначе Гординский, еще иначе Голованко, а по козацкому прозвищу Крот, — человек бесспорно храбрый, решительный, по своему времени образованный, как учившийся в киевской академии и свободно изъяснявшийся по-латыни, любимый казаками и пользовавшийся громадным влиянием и популярностью среди украинской черни. Побуждаемые этим самым кошевым атаманом Гордиенком, Запорожцы написали, в 1708 году, 24 ноября, письмо Ивану Мазепе, в котором просили прислать к ним гетманских и королевских полномочных, чтобы чрез них условиться, за кем им быть во время предстоящей войны. Кроме того, они домогались от королей, шведского и польского, войсковых клейнотов и вспомогательного войска для разорения московской крепости у Каменного-Затона, стоявшей в виду самой Сичи, после чего обещали поспешить на помощь союзникам.

Между тем Петр, узнав о переговорах Запорожцев с королями и гетманом, а также убедившись доподлинно в огромном влиянии их, в особенности же кошевого Гордиенко, на малороссийскую чернь и украинских козаков*), решил, во что бы то ни стало, склонить Запорожцев на свою сторону. С этой целью

уже тот час после предания проклятию Мазепы и после избрания нового гетмана **Ивана Скоропадского**, царь послал в Сич письмо, в котором увещевал Запорожцев пребыть верными русскому престолу и православной вере, за что обещал «умножить к ним свою милость» и немедленно прислать, кроме обычного годового жалованья, на каждый курень по 1500 украинских злотых. С этим вместе царь уверял Запорожцев, что если он раньше удержал в Москве следуемое козакам войсковое жалованье, то сделал это вследствие клеветы на низовое товарищество гетмана Ивана Мазепы, который часто писал царю в Москву, обвиняя Запорожцев в неверности русскому престолу.

К Запорожцам отправлены были от царя стольники **Гавриил Кислинский** и **Григорий Теплицкий** с грамотой и деньгами — 500 червонцев кошевому, 2000 старшине и 12000 куреням. Кроме того, через тех же послов обещано было, в знак особой царской милости, прислать в Сич войсковые клейноты: знамя, пернач, бунчук, литавры и трости кошевому атаману и судье.

Одновременно с царскими посланиями посланы были от гетмана Скоропадского лубенский сотник **Василий Савич** и от киевского митрополита, для увещания, иеромонах **Иродион Жураховский**.

В самой Сичи в то время образовались две партии: партия старых, опытных козаков и партия молодых, горячих голов. Первая стояла на законной почве и советовала держаться русского царя. Эта партия, на некоторое время взявшая верх над другою, заставила отправить к Мазепе письмо, в котором Запорожцы, называя себя войском его царского пресветлого величества, объявляли, что они готовы стоять за русского царя и за весь украинский народ против ворвавшихся на Украину иноплеменников. Но против благоразумных и опытных лиц Запорожского товариства выступила зеленая молодежь, которую руководил кошевой **Константин Гордиенко**, фанатически ненавидевший все исходившее от Москвы.

Сила оказалась на стороне молодых, и тогда Запорожцы отобрали у прибывших в Сич послов деньги, а самих их стали ругать и бесчестить: иеромонаха называли шпионом и грозили сжечь его в смоляной бочке, других грозили убить или утопить в воде, и вслед за этим на грамоту Петра написали письмо, в котором, не щадя царя за прежние его к ним враждебные отношения, «чиня досадительныя укоризны и угрозы, многие неприличные запросы, с нареканием и бесчестием на самую высочайшую особу царя**»), требовали от него: 1) чтобы всем малороссийским полковникам не быть, а быть на Украине такой же вольнице, как и в Сичи, 2) чтобы все мельницы по речкам Ворскле и Пслу, а также перевозы через Днепр у Переволочной Запорожцам отдать и 3) чтобы все царские города на Самаре и на левом берегу Днепра у Каменного-Затона срыть.

Отправив царю письмо, Запорожцы в это же время задержали у себя гетманского посланца, ехавшего в Крым с известием об избрании на Украине нового гетмана Скоропадского и, избив его до полусмерти на Раде, отправили к Мазепе, а другого посланца, отправленного в Чигирин, сотник чигиринский **Невинчанный** совсем убил и сам в Запорожье бежал.

Тогда царь написал два письма, одно за другим, князю **Меньшикову**, руководившему в то время военными действиями на Украине и жившему в городе Харькове. В этих письмах он извещал князя, что Запорожцы собрались близ крепости Богородицкой на реке Самаре и что он опасается, как бы они чего не сделали над ней, а также, чтобы они кошевым и судьей не

*) Украинские козаки — реестровые козаки, несколько соответствуют служилым казакам в России. **Ред.**

) Читатели знают, конечно, о легенде, согласно которой Запорожцы писали «письмо» турецкому султану. Но вот оказывается, что русским царям они подобные письма действительно писали. **Ред.

были проведены через Переволочну к шведам, и потому приказывал князю поставить в удобном месте ингерманландский полк, чтобы «иметь око на их поход». также, если возможно, прибавить людей в Богородицкую крепость, в Каменный-Затон послать полка два или больше гарнизонного войска, в самой же Сичи постараться переменить, через миргородского полковника **Апостола**, главную старшину — кошевого атамана и войскового судью.

Тогда, по распоряжению Меньшикова, отправлены были Даниилом Апостолом несколько человек из миргородского полка, бывших запорожских войсковых старшин, с немалым количеством денег, в Сич, чтобы свергнуть кошевого и судью «и во всех противников учинить диверсию». Посланные должны были публично, на войсковой Раде, объявить Запорожцам, что кошевой и судья перешли на сторону Мазепы не потому, что находили свое дело правым и законным, а потому, что были подкуплены изменником.

Вслед за этим Петр снова писал Меньшикову. Он приказывал ему все еще стараться о том, чтобы расположить в свою сторону запорожских казаков, действуя на них добрым словом, и только в крайнем случае оружием...

Но Запорожцы, настраиваемые кошевым Гордиенком, с этого времени твердо и всею массою решили действовать против Петра. Собравшись в числе 8000 человек, под начальством «власного» кошевого К. Гордиенка, а в Сичи оставив «наказного» атамана Якова Симонченка, взяв с собою девять пушек, они двинулись из Сичи в Переволочну, которую искони веков считали своим городом и от которой намеревались дойти до стана шведского короля Карла XII...

В Переволочне их встретил полк. Нестулей с 500 находившимися в городе запорожцами, и гетманские посланцы Чуйкевич, Мокиевский и Минович. 12-го марта 1709 г. в Переволочне произошла Рада в присутствии посланцев Мазепы. На Раде было прочитано письмо Гетмана, в котором, между прочим, говорилось, что царь угрожал «искоренить воров и злодеев запорожцев», а всех малороссиян перевести за Волгу. С тем вместе выставлялось на вид, что прибытие на Украину шведского короля дает возможность малороссиянам **свергнуть московское ярмо и сделаться свободным и счастливым народом...**

В это же время получено было известие от крымского хана, советовавшего запорожцам держаться стороны Мазепы и обещавшего им свою помощь. Сам полковник Нестулей, после некоторого колебания, также объявил себя сторонником гетмана Мазепы.

Вскоре после Рады кошевой Гордиенко извещал шведского короля, что запорожцы готовы ему служить и молят Бога об его успехе...

Петр, получивший обо всем случившемся известие в Воронеже, писал Меньшикову стараться удержать за собой орельские городки, в особенности же крепость Богородицкую, где много было артиллерии и аммуниции, но мало людей, и самому князю приказывал непременно оставаться на Украине...

Опасения Петра были не напрасны. В то время, когда депутаты от Запорожских казаков находились в Будищах, в это самое время часть их войска сделала два нападения на русские войска, сперва в Кобеляках, потом в Царичанке, на правом берегу Орели произвела страшный переполох между русскими солдатами и одну часть из них изрубила на месте, другую часть захватила в плен и тем самым настолько подняла свое знамя, что увеличила состав собственного войска до 15000 человек...

Разгромив русские отряды у Кобелях и Царичанки, кошевой Гордиенко с Запорожцами поспешил в Диканьку, чтобы увидиться здесь с гетманом Мазепой и отсюда дойти в Будища, главную стоянку шведского короля.

Свидание Гордиенка и Мазепы произошло в присутствии многих лиц из сичевого товариства. При встрече с гетманом кошевой отдал ему честь, склонив перед ним свой бунчук, а потом, обратившись с речью, благодарил гетмана за его готовность **освободить Запорожье от московского ига**, обещал от имени всех казаков не щадить ни жизни, ни крови для общего дела, высказывал надежду через посредство гетмана

найти протекцию у короля и в заключение обещал ему принести присягу на верность, но, в свою очередь, просил сделать то же и гетмана, чтобы действовать заодно с Запорожцами «в деле спасения отечества».

Гетман Мазепа на речь кошевого Гордиенка отвечал речью. Он благодарил Запорожцев за доверие их к его особе, уверял честью, что если бы не он, гетман, то царь давно-бы перевязал Запорожцев, обратил их в драгун, разослал в отдаленные места Сибири, разорил жилища их до основания, и что он, гетман, будет действовать заодно с ними, Запорожцами, и готов принести на том присягу им.

Обюдные речи кошевого и гетмана закончились приглашением Запорожцев к гетманскому обеду. На обеде высказано было с той и другой стороны еще больше заверений во взаимной дружбе и расположении...

Из Диканьки кошевой Гордиенко вместе с гетманом Мазепой отправился в Будища для представления королю Карлу. За Гордиенком шло 50 человек сичевиков, 115 человек захваченных запорожцами русских пленных солдат и малорусских козаков*), которых запорожцы «били и ругали и мучительски комарами и муравьями травили».

По прибытии в Будища запорожцы и пленные были представлены королю. Кошевой обратился с речью к королю, в которой благодарил его за высокое покровительство и желание избавить их от страшного врага, русского царя. За короля отвечал государственный секретерь: он выразил благосклонность запорожцам и похвалу за их первый подвиг против русских. На последнее кошевой отвечал: «Мы уже послали с сотню москалей крымскому хану на показ и надеемся, что когда их увидят татары, то станут с нами заодно».

После представления королю, Запорожцы, т. е. кошевой, старшины, участники царичанской схватки и даже старшины, находившиеся в Сичи, получили денежные подарки от короля и гетмана, несколько дней угощались на счет короля и под конец заключили клятвенную присягу с гетманом Мазепой и **четыре договорных пункта** с королем Карлом. Для Запорожцев пункты эти состояли, главным образом, в том, что они, после войны с русским царем, **будут навсегда изъяты от московского владычества и получат свои исконные права и привилегии.**

Покончив со всеми условиями у короля и гетмана, Запорожцы теперь жаждали одного — скорейшей битвы с москалями. На такое желание король отвечал им, что нужно выждать время и приготовиться к бою, но вообще похвалил их военный пыл...

Из Будищ запорожцы, сопровождаемые шведами, ушли по направлению к Полтаве, в которой сидели русские гарнизоны.

Завидя идущих мимо Полтавы запорожских казаков, русские вздумали по ним стрелять, но сотня казаков бросилась к городу и положила несколько человек из русских на городских стенах, причем один запорожец метким ударом убил русского офицера в блестящем мундире и подал повод Гордиенку сказать шведам, что таких прекрасных стрелков у него найдется до 600 человек...

— «» —

«Между тем в Сичи, после ухода большей части казаков, под начальством К. Гордиенко, оставалось около 1000 человек под начальством Якова Симонченка. Здесь действовали посланные из Миргорода полковником Д. Апостолом бывшие запорожские старшины. Они привезли в Сич письмо Апостола и всеми мерами старались склонять сичевиков на сторону царя. По этому поводу собрана была войсковая Рада. На Раде опять обнаружились две партии: партия стариков за царя и партия молодых против него. Последняя взяла верх над первой и тогда решено было письмо Апостола отправить войсковым асаулом к кошевому Гордиенко, а посланцев Апостола задержать в Сичи... Однако, апостольцы... бежали из Сичи в Миргород.

После бегства «апостольцев», в Сичи произошла вновь Рада. На этот раз партия стариков взяла верх

*) Малорусские или Украинские казаки, иначе — реестровые казаки, остались в значительном количестве на стороне русского царя. **Ред.**

и решено было стать за царя. Тогда к кошевому Гордиенко отправлено было письмо, в котором говорилось, что запорожцы сваливают с себя вину за все его действия: «Как ты делал, так и отвечай. Ты без нас вымышлял, а мы, верные слуги царского величества, выбрали себе вместо тебя другого кошевого». От слов Запорожцы перешли и к действиям: они точно лишили К. Гордиенко звания кошевого и на место его выбрали **Петра Сорочинского**.

Царь, извещенный о таком выборе в Сичи кошевого, порадовался этому, потому что знал лично Сорочинского и отозвался о нем, как о «человеке добром». Петру еще более приходилось радоваться, что новый кошевой немедленно по вступлении в свое звание отправил приказ козакам, находившимся вместе с Гордиенком, оставить бывшего кошевого и вернуться в Сич для новых приказаний.

Однако, такое настроение в Сичи продолжалось недолго: собравшись на войсковую Раду, Запорожцы, вместе с кошевым Петром Сорочинским, почему-то вновь объявили себя против русского царя и за шведского короля.

Тогда Петр, узнав, что и Сорочинский стал дышать тем же духом против него, как и Гордиенко, отдал приказание Меньшикову послать из Киева в Сич три полка русских войск и велеть им **истребить все гнездо бунтовщиков до основания**. Меньшиков возложил исполнение царского поручения на полковника Петра Яковлева и приказал ему, от имени царя, по прибытии на место, прежде всего объявить запорожским козакам, что если они принесут царю повинную, выберут нового кошевого атамана и прочих старшин и пообещают при крестном целовании верно служить царю, то все их вину простят и сами они будут при прежних своих войсковых правах и вольностях.

Полк. П. Яковлев сел с полками на суда в Киеве и пустился вниз по Днепру...

Полк. Яковлев, идя вниз по Днепру, прежде всего напал на местечко, у левого берега реки, Келеберду и самое местечко сжег, жителей частью разогнал, частью перебил. От Келеберды он спустился к Переволочной. Здесь в то время было 1000 человек запорожцев да 2000 окрестных жителей, которыми управлял запорожский полковник Зинец. В центре местечка устроен был замок, а в замке засело 600 человек гарнизона. Подступив к местечку, Яковлев прежде всего потребовал от запорожцев добровольной сдачи, но ему ответили выстрелами. Тогда он открыл жестокий огонь, направляя ядра и бомбы в самый замок местечка. Запорожцы, не имевшие одинаковых с русскими боевых снарядов, отбивались, однако, упорно, но все-же могли стоять только два часа: русские ворвались в местечко, тысячу человек избили на месте, несколько человек подожгли в хатах и сараях, несколько человек сами потонули при переправе через Воркслу и Днепр. Взято было в плен лишь 12 человек. Остервенение со стороны русских было так велико, что они избили женщин, детей, стариков, сожгли все мельницы на реках, все строения в местечке и все суда, стоявшие на Днепре у переволочанской переправы.

После такого разгрома Переволочны, полк. Яковлев двинулся ниже по Днепру и достиг сперва Нового, а потом и Старого Кодака.

В обоих Кодаках полк. Яковлев не встретил большого сопротивления: главная масса жителей сдалась добровольно русским и была отправлена в крепость Богородицкую, незначительное число скрылось на острове и в степь, но и из этого числа некоторые были пойманы и истреблены на месте. Оба же местечка, Старый и Новый Кодаки, были выжжены до тла, чтобы не дать пристанища «ворам» и чтобы обезопасить тыл русских полков...

Миновав остров Хортицу, полк. Яковлев, наконец, 7 мая прибыл к Каменному-Затоку, стоявшему на левом берегу Днепра, почти против Чортотмыцкой Сичи, находившейся на правом берегу Днепра, у устья Чортотмыка.

В Сичи кошевого Петра Сорочинского не было: он ушел, вместе с козаком Кириком Меньком, в Крым просить татар на помощь Запорожцам против москалей. Его заменял храбрый и расторопный, вообще «добрый» козак, **Яким Богуш**.

По случаю ходившей в Каменном-Затоне какой-то заразной болезни, Яковлев стал около городка и отсюда послал к Запорожцам козака Сметану с увещательным письмом от князя Меньшикова. Но Запорожцы, по словам одного пойманного русскими козака, утопили того Сметану в воде. Тогда Яковлев послал к ним другое письмо, лично от себя. На это письмо Запорожцы отвечали, что они не считают себя бунтовщиками, признают над собой власть царского величества, но царских посланцев к себе не допускают. Ожидая с минуты на минуту своего кошевого Сорочинского с татарами, Запорожцы, желая выиграть время, показали даже вид, будто они склоняются на сторону царя.

Яковлев ждал положительного ответа три дня, но потом решил взять Сич приступом. С этою целью он приказал осмотреть Сич со всех сторон и выискать удобное место для приступа. Для осмотра отправлены были передетые в запорожское платье русские офицеры. Посланные известили полковника, что подступиться на лошадях к Сичи невозможно, потому что она со всех сторон была обнята водой...

Лазутчики известили полковника, что близ Сичи имеется отъезжий запорожский караул, который легко может быть истреблен. Тогда Яковлев отправил против него несколько человек солдат. Солдаты напали на запорожцев, несколько человек из них перебили, несколько в воде потопили, а одного привели к полковнику живым. От этого последнего Яковлев узнал, что Запорожцы все, как один человек, решили действовать против русских войск...

Тогда русские решили сперва сделать шанцы, на шанцы возвести пушки и из пушек открыть пальбу через воду в Сич. Но сделанная попытка, однако, не привела к желанному результату: оказалось, что, за дальним расстоянием, выстрелы из пушек не достигали своей цели.

После этого объявлено было сделать приступ к Сичи на лодках. Запорожцы подпустили русских на близкое расстояние, потом сразу ударили из пушек и ружей, несколько человек офицеров ранили, 300 человек солдат, и в том числе полк. Урна, убили, несколько человек взяли в плен и «срамно и тирански» умертвили их в Сичи.

Тогда русские принуждены были отступить. Положение полк. Яковлева сделалось очень затруднительно. Но в это время на помощь русским явился от генерал-майора князя Г. Волконского, с компанейским полком и драгунами, полк. **Игнат Галаган**. Это было 14 мая 1709 г.

Игнат Иванов Галаган был ренегат-запорожец. Сын украинского козака из селения Омельника, Полтавской губ., Кременчугского уезда, Галаган долгое время был в Сичи, сперва простым козаком, потом полковником охочекомонного полка, затем даже кошевым... В качестве полковника, он находился при гетмане Мазепе, когда тот перешел на сторону шведов, и, как подручный человек Мазепы, сам перешел в стан шведов. Потом, видя ничтожность сил Мазепы и нерасположение к нему украинского народа*), выпросился у гетмана с полком на раз'ездную, вне шведского лагеря, линию, внезапно захватил несколько человек шведов-драбантов, ушел с ними и со своим полком в русский лагерь и тут повинился Петру, уверив царя, что он перешел к шведам против собственной воли, повинуюсь желанию гетмана Мазепы. Царь взял с него слово, что он не «сделает с ним такой-же штуки, какую сделал с Карлом», заставил его присягнуть на верность русскому престолу и потом долгое время держал его в раз'ездах для добывания неприятельского «языка».

Этот-то самый Игнат Галаган неожиданно явился к полк. Яковлеву для осады Сичи.

По сказанию неизвестного автора сочинения о Запорожских козаках прошлого столетия, И. Галаган пристал к Яковлеву на пути его в Сич и под присягой обещал тайными тропинками провести русских к Сичи. Так или иначе, но на него возлагались в этом отношении большие надежды, как на человека, знавшего все «войсковые секреты» и запорожские «звичай». И

*) Значительная (а возможно, что и большая часть) часть Украины осталась тогда на стороне Петра. **Ред.**

точно, прибытие И. Галагана к Сичи имело для Запорожских козаков решающее значение.

Запорожцы, завидев издали несшееся к Сичи войско, вообразили, что то спешил к ним кошевой П. Сорочинский с татарами и сделали против русских вылазку. Русские воспользовались этим счастливым моментом, ворвались внезапно в Сич и привели в замешательство козаков. Однако, последние долго и счастливо отбивались от своих врагов. Но тут выскочил вперед Галаган и закричал Запорожцам: «Кладите оружие! Сдавайтесь, бо всем будет помилование!».

Запорожцы сперва не поверили тому и продолжали попрежнему отбиваться от русских, но Галаган поклялся перед ними в верности своих слов и тогда козаки бросили оружие.

Но то был подлый обман со стороны Галагана. Русские устремились на безоружных Запорожцев, 300 человек взяли в плен, несколько человек перебили, несколько повешали на плотах и пустили вниз по Днепру на страх другим, 100 пушек и все клейноды — знамена, бунчуки, булавы, перначи, литавры — и всю аммуницию забрали и отправили в московский лагерь, а все курени и все строения в Сичи сожгли, многие зимовники, бывшие вокруг Сичи, истребили.

Полк. Яковлев и особенно Галаган действовали с неслыханным свирепством. «Учинилось у нас в Сичи, — писал очевидец козак Стефаненко, бывший потом кошевым атаманом, — то, что, по присяге Галагана и московского войска, товариству нашему головы обдирали, шеи на плахах рубили, вешали и иные тиранские смерти задавали, каких и в поганстве за древних мучителей не водилось, — мертвых из гробов многих не только из товариства, но и из монахов откапывали, головы им отнимали, шкуры сдирали и вешали. Ненасытившимся такого душепагубного прибытку, а заостривши сердце свое жалом сатанинским, Галаган чатами своих единомышленных людей в Тернувце и по иных годностоях и урочищах працею кровавою на добычах зверных козаков невинных в московские тиранские безценно запродавал руки»...

«После взятия Чортомлыцкой Сичи князь Меньшиков доносил царю Петру, что «знатнейших воров он велел удерживать, прочих казнить, самое-же «изменническое» гнездо разорить и искоренить. На то донесение Петр отвечал Меньшикову: «Сегодня (23 мая) получили мы от вас письмо о разорении проклятого ме-

ста, которое корень злу и надежда неприятелю была, что мы, с превеликою радостью услышав, Господу, отомстителю злым, благодарили с стрельбою, и вам за оное премного благодарствуем, ибо сие дело из первых есть, которого опасаться надлежало былс»...

—«»—

«Как тщательно ни оберегали русские солдаты выходы Запорожцам из Чортомлыцкой Сичи, но все-же часть сичевых козаков, под руководством кошевого атамана Якимя Богуша, успела спастись от гибели: она поспешно сложила свое добро и уцелевшее оружие на дубы и скрытыми ериками, заточинами, речками и ветками ушла вниз по Днепру в турецкие земли»...

—«»—

Но:

«С 1711 года, 12 июля, после Прутского мира, а потом с 1712 г. 3 апреля, после Константинопольского трактата, Россия формально отказалась от Запорожья и признала его улусом турок, а Запорожцев — райями Порты, в команде ханских сераскиров... В частности, по Прутскому миру русский царь уступил туркам все земли бывшего Запорожья по реку Орель и обязался срыть свои крепости в Самаре, Кодаке и Каменном-Затоне.

Таким образом, этот мир, несчастный для России, принес счастье Запорожским козакам: после него Запорожцы вновь сделались обладателями того, что потеряли после разрушения Чортомлыцкой Сичи и поражения при Полтаве, т. е. всех своих земель от Нового Кодака до крепости Св. Анны»...

—«»—

П.С.(из III-его тома того же Эварницкого, стр. 456):

«Один из главных виновников разорения Чортомлыцкой Сичи, полк. И. Галаган, «за верная службы свои» царю награжден был селом Боровицей и другими деревнями в Чигиринском полку да селом Веремевкой, а сверх того ему обещана была от царя особая милость — «несколько сот рублей денег», для получения которых киевский губернатор кн. Д. Голицын приказывал (1713 года, декабря 24 дня) гетману Ивану Скоропадскому выдать Галагану проезжий лист (заграничный паспорт. Ред.) до Санктпетербурга.

Царь, приехав после полтавской победы в Киев, отдал приказ кн. Голицыну «иметь к Галагану признание, держать его в охранении и в требовании и в чем будет просить, чинить ему вспоможение»...

МОСКОВСКАЯ РУСЬ ИЛИ -ВЕЛИКОРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Время от половины XV ст. (точнее — со вступления Ивана III на великокняжеский стол) и до начала XVII в. (до 1613 года) проф. Ключевский считает третьим периодом русской истории и называет этот период временем Московской Руси или Великоорусского государства.

Главные явления этого периода проф. Ключевский характеризует так:

«Северная Русь, дотеле разбитая на самостоятельные местные миры, объединяется под одной государственной властью, носителем которой является московский государь. Но он правит при содействии нового класса, вокруг него образовавшегося, боярства. Основной народной хозяйства в этом государстве остается попрежнему земледельческий труд вольного крестьянина, работающего на государственной или частной земле, но государственная земля все более переходит в руки нового военного класса, создаваемого государством, и вместе с тем все более стесняется свобода крестьянского труда, заменяясь хозяйственной зависимостью крестьянина от служилого землевладельца»...

Когда Иван III наследовал на московском столе своему отцу (т. е. в 1462 году), в Русской земле еще не было ни Московского государства в тех границах, которые оно имело в конце XVI в., ни московского

государя с тем политическим значением, с каким он является 100 лет спустя. Оба эти фактора еще не были готовы в 1462 г...

«Завершение территориального собрания северо-восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное Великоорусское государство»...

«Изменилось и внешнее положение Московского княжества»...

С половины XV в.... Московское княжество становится глазом-глаз с иноземными государствами, не принадлежавшими к семье русских княжеств. В связи с этой переменой во внешнем положении княжества, изменилась и внешняя политика московских князей... С Ивана III московская политика выходит на более широкую дорогу: Московское государство заводит (в первый раз! Ред.) сложные дипломатические сношения с иноземными западно-европейскими государствами...

Вместе с расширением дипломатической сцены изменяется и программа внешней политики. Эта перемена тесно связана с одной идеей, пробуждающейся в московском обществе около этого времени, — идеей национального государства... Эта идея возникает и усиленно разрабатывается прежде всего в московской правительственной среде по мере того, как Великооруссия объединялась под московской властью...

При Иване III «вся Русская земля, а не одна только ее великорусская половина, объявлена была вотчиной московского государя»... (Часть II-я курса, лекция XXV).

— «» —

«Иван был женат два раза. Первая жена его была сестра его соседа, великого князя Тверского, Мария Борисовна. По смерти ее (1467 г.) Иван стал искать другой жены подале и поважнее. Тогда в Риме проживала сирота, племянница последнего византийского императора, Софья Фоминична Палеолог... Иван III выписал царевну из Италии и женился на ней в 1472 г. Эта царевна, известная тогда в Европе своей редкой полнотой, привезла в Москву очень тонкий ум и получила здесь весьма важное значение. Бояре XVI в. приписывали ей все неприятные им нововведения, какие с того времени появились при московском дворе. Внимательный наблюдатель московской жизни барон Герберштейн, два раза приезжавший в Москву послом германского императора при Иване III, наследнике, наслушавшись боярских толков, замечает о Софье в своих записках, что это была женщина необыкновенно хитрая, имевшая большое влияние на великого князя... Ее влиянию приписывали даже решимость Ивана III сбросить с себя татарское иго... Софья ценилась в Москве, и сама себя ценила, не столько, как великая княгиня московская, сколько как царевна византийская... Софья, как царевна, пользовалась в Москве правом принимать иностранных посольства».

Таким образом брак Ивана и Софьи получал значение политической демонстрации, которою заявляли всему свету, что царевна, как наследница павшего византийского дома, перенесла его державные права в Москву, как в Новый Царьград, где и разделяет их со своим супругом.

Почувствовав себя в новом положении, да еще рядом с такой знатной женой, наследницей византийских императоров, Иван нашел тесной и некрасивой прежнюю кремлевскую обстановку, в какой жили его невзыскательные предки. Вслед за царевной из Италии выпущены были мастера, которые построили Ивану новый Успенский собор, Грановитую палату и новый каменный дворец на месте прежних деревянных хором. В то же время в Кремле при дворе стал заводиться тот сложный и строгий церемониал, который сообщал такую чопорность и натянутость придворной московской жизни... Иван начал выступать более торжественной поступью и во внешних сношениях, особенно с тех пор, как само собою, без боя, при татарском же содействии, свалилось с плеч ордынское иго, тяготившее на северо-восточной Руси два с половиною столетия (1238-1480). В московских правительственных, особенно дипломатических, бумагах с той поры появляется новый, более торжественный язык, складывается пышная терминология, незнакомая московским дьякам удельных веков.

Между прочим, для едва воспринятых политических понятий и тенденций не замечали подыскивать подходящее выражение в новых титулах, какие появляются в актах при имени московского государя. Это — целая политическая программа, характеризующая не столько действительное, сколько искомое положение. В основу ее положены те же два представления, извлеченные московскими правительственными умами из сошедших событий, и оба эти представления — политические притязания: это — мысль о московском государе, как о национальном владетеле всей Русской земли, и мысль о нем, как о политическом и церковном преемнике византийских императоров.

Много Руси оставалось за Литвой и Польшей и, однако, в сношениях с западными дворами, не исключая и литовского, Иван III впервые отважился показать европейскому политическому миру притязательный титул **государя всея Руси**, прежде употреблявшийся лишь в домашнем обиходе...

После того, как спало с Москвы татарское иго, в сношениях с неважными иностранными правителями... Иван III титуловал себя **царем** всея Руси. Этот термин, как известно, есть сокращенная южно-славянская и русская форма латинского слова **цесарь**, или по старинному написанию **цсарь**, как от того же слова по дру-

гому произношению **кесарь** произошло немецкое **кайзер**.

Титул царя в актах внутреннего управления при Иване III иногда, при Иване IV обыкновенно, соединялся со сходным по значению титулом **самодержца**: это славянский перевод византийского императорского титула **аавтократор**. Оба термина в древней Руси значили не то, что стали значить потом, выражали понятие не о государе с неограниченной внутренней властью, а о владетеле, независимом ни от какой внешней власти, никому не платящем дани... Царями по преимуществу древняя Русь до половины XV в. звала византийских императоров и ханов Золотой Орды, наиболее известных ей независимых владетелей, и Иван III мог принять этот титул, только перестав быть данником хана...

Усвоив новые пышные титулы, Иван нашел, что теперь ему не пригоже называться в правительственных актах просто по-русски Иваном, а начал писать в церковной книжной форме: «**Иоанн, Божию милостью государь всея Руси**»...

Почувствовав себя и по политическому могуществу, и по православному христианству, наконец, и по брачному родству преемником павшего дома византийских императоров, московский государь нашел и наглядное выражение своей династической связи с ними: с конца XV в. на его печатях появляется византийский герб — двуглавый орел... (Лекция XXVI).

— «» —

Очень интересно еще такое место из той же XXVI-ой лекции:

«Тогда мыслили не идеями, а образами, символами, обрядами, легендами, т. е. идеи развивались не в логические сочетания, а в символические действия или предполагаемые факты, для которых искали оправдания в истории. К прошлому обращались не для объяснения явлений настоящего, а для оправдания текущих интересов, подыскивали примеры для собственных притязаний. Московским политикам начала XVI в. мало было брачного родства с Византией: хотелось породниться и по крови, притом с самым корнем или мировым образцом верховной власти — с самим Римом. В московской летописи того века появляется новое родословие русских князей, ведущее их род прямо от императора римского. Повидимому, в начале XVI в. составилось сказание, будто Август, кесарь римский, обладал всей вселенной, когда стал изнемогать, разделил вселенную между братьями и сродниками своими и брата своего Пруса посадил на берегах Вислы реки на реку, называемую Неман, что и доньше по имени его зовется Прусской землей, «а от Пруса четырнадцатое колено — великий государь Рюрик».

Московская дипломатия делала из этого сказания практическое употребление: в 1563 году бояре царя Ивана, оправдывая его царский титул в переговорах с польскими послами, приводили словами летописи эту самую генеалогию московских Рюриковичей. Хотели осветить историей и идею Византийского наследства.

Владимир Мономах был сын дочери византийского императора Константина Мономаха, умершего за 50 лет с лишком до вступления своего внука на Киевский стол. В московской же летописи, составленной при Грозном, повествуется, что Владимир Мономах, вояка живший в Киеве, послал воевод своих на Царьград воевать этого самого царя греческого Константина Мономаха, который, с целью прекратить войну, отправил в Киев с греческим митрополитом крест из животорящего древа и царский венец со своей головы, т. е. мономахову шапку, с сердоликовой чашей, из которой Август, царь римский, веселился, и с золотой цепью. Митрополит именем своего царя просил у князя киевского мира и любви, чтобы все православие в покое пребывало «под общею властью нашего царства и твоего великого самодержавства Великие Руси». Владимир был венчан этим венцом и стал зваться Мономахом, боговенчаным царем Великой Руси. «Оттоле, — так заканчивается рассказ, — тем царским венцом венчаются все великие князья владимирские». Сказание было вызвано венчанием Ивана IV на царство в 1547 г., когда были торжественно приняты и введены как во

внешние сношения, так и во внутреннее управление титулы царя и самодержца, появившиеся при Иване III, как бы в виде пробы, лишь в некоторых, преимущественно дипломатических, актах.

Основная мысль сказания: значение московских государей, как церковно-политических преемников византийских царей, основано на установленном при Владимире Мономахе (а на самом деле — **быдуманном** при Иване Грозном! **Ред.**) совместном владительстве греческих и русских царей-самодержцев над всем православным миром...

Есть византийское известие XIV в., что русский великий князь носил чин **стольника** (служба за трапезой) при дворе греческого царя, владыки вселенной (всей вселенной господин и повелитель), как ужила о нем византийская иерархия, а Василий Темный (московский князь) в одном послании к византийскому императору называет себя **«сватом»** святого царства его». Теперь по московской теории XV-XVI вв. этот **стольник** (по существу — лакей за царским столом! **Ред.**) и **сват** вселенского царя превратился в его **товарища**, а потом — **преемника**.

Эти идеи, на которых в продолжение трех поколений пробовала свои силы московская политическая мысль, проникали и в мыслящее русское общество...

Там же проф. Ключевский говорит о первом зарождении идеи божественного происхождения власти: «Изложенные подробности, не все одинаково важны сами по себе, все любопытно, как своего рода символы политического мышления, как выражение усиленной работы политической мысли, которая началась в московских государственных умах при новых условиях положения. Р. новых титулах и церемониях, какими украшала или обставляла себя власть, особенно в генеалогических и археологических легендах, какими она старалась осветить свое прошлое, сказывались успехи ее политического самосознания. В Москве чувствовали, что значительно выросли, и искали исторической и даже богословской мерки для определения своего роста...

Увидев себя в новом положении, московский государь нашел недостаточным прежний источник своей власти, каким служила **отчина и дедина**, т. е. преемство от отца и деда. Теперь он хотел поставить свою власть на более возвышенное основание, освободить ее от всякого земного юридического источника. **Идея божественного происхождения верховной власти была не чужда и предкам Ивана III, но никто из них не выражал этой идеи так твердо, как он...**

В 1486 году немей рыцарь Поппель, странствуя по малоизвестным в Европе отдаленным краям, каким-то образом попал в Москву. Вид столицы неведомого Московского государства поразил его, как политическое и географическое открытие. **На католическом Западе знали преимущественно Русь Польско-Литовскую и многие даже не подозревали существования Руси Московской.** Возвратясь домой, Поппель рассказывал германскому императору Фридриху III, что за Польско-Литовскую Русью есть еще другая Русь, Московская, независимая ни от Польши, ни от татар, государь которой будет, пожалуй, посильнее и побогаче самого короля польского.

Удивленный таким неожиданным известием, император послал Поппеля в Москву просить у Ивана руки одной из дочерей для своего племянника и в вознаграждение за это предложить московскому князю королевский титул. Иван благодарил за любезное предложение, но в ответ на него велел сказать послу: «а что ты нам говорил о королевстве, то **мы Божиею милостью государи на своей земле изначала**, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы. Молим Бога, чтобы нам и детям нашим дал до века так быть, как мы теперь государи на своей земле, а поставления как прежде ни от кого не хотели, так и теперь не хотим».

Подобно деду, царь Иван, в беседе с польско-литовскими посланцами, жалуясь на то, что король Сигизмунд-Август не признает его титулов и прав, ими вы-

ражаемых, говорил, что **эти права даны ему Богом и ни в чем признании не нуждаются**.

Интересно в той же лекции то место, где трактуется **вотчина и государство** в понимании московских князей:

«Объединение Великороссии повело к мысли о соединении всей Руси под одною властью и к стремлению придать этой власти **не только всероссийское**, но и **вселенское** значение. Но во имя чего объединили Великороссию и хотели объединить всю Русь? Иван III настойчиво заявлял и его преемники повторяли, что вся Русская земля — их **отчина**. Значит, новый союз, образуемый объединявшейся Великороссией, подводился под старую политическую форму: ни из чего не видно, чтобы Иван III понимал отчину как-нибудь иначе, не так, как понимали эту форму его удельные предки...

В Москве заявляли притязание на всю Русскую землю, как на целый народ, во имя государственного права, а обладать ею хотели, как отчиной, на частном удельном праве... Иван III, первый из московских князей, громко объявивший всю Русскую землю своей вотчиной, кажется, чувствовал это противоречие и искал из него выхода, усиливаясь согласовать свою вотчинную власть с требованиями изменившегося положения...

Во всяком случае, с тех пор, как обеспечен был успех московского собрания Руси, в Иване III, его старшем сыне и внуке начинают бороться **вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти**. Это колебание между двумя началами или порядками обнаруживалось в решении важнейших вопросов, поставленных самым этим собранием, о порядке преемства власти, об ее объеме и форме. Ход политической жизни объединенной Великороссии более чем на столетие испорчен был этим колебанием, приведшим государство к глубоким потрясениям (к «смутному времени»), а династию собирателей к гибели...

Краткая характеристика Ивана Грозного из лекции XXX (стр. 211):

«Положительное значение царя Ивана в истории нашего государства далеко не так велико, как можно было бы думать, судя по его замыслам и начинаниям, по шуму, какой производила его деятельность. Грозный царь больше задумывал, чем сделал, сильнее действовал на воображение и нервы своих современников, чем на современный ему государственный порядок. Жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него. Но без него это устройство пошло бы легче и ровнее, чем оно шло при нем и после него, важнейшие политические вопросы были бы разрешены без тех потрясений, какие были им подготовлены.

Важнее отрицательное значение этого царствования... Одностороннее, себялюбивое и мнительное направление его политической мысли при его нервной возбужденности лишило его практического такта, политического глазомера, чутья действительности, и, успешно предприняв завершение государственного порядка, заложенного его предками, он незаметно для себя самого кончил тем, что **поколебал самые основания этого порядка**...

А вот характеристика самого склада Московского государства до первого «смутного времени» (лекция XI, стр. 423):

«Московское государство складывалось тяжело и медленно. Мы теперь едва ли можем понять и еще меньше можем почувствовать, каких жертв стоил его склад народному благу, как он давил частное существование. Можно отметить три его главные особенности. Это, во-первых, **боевой строй государства**. Московское государство — это вооруженная Великороссия, боровшаяся на два фронта: на западе за националь-

ное единство, на юго-востоке за христианскую цивилизацию, там и здесь — за свое существование.

Вторую особенность составлял **тягловой**, неправовой характер внутреннего управления и общественного состава, с резко обособлявшимися сословиями. Управление вели обязанные органы, наверху служилые люди, внизу ответственные сословные выборные. Сословия различались не правами, а повинностями, между ними распределенными. Каждый обязан был или оборонять государство, или работать на государство, т. е. кормить тех, кто его обороняет. Были командиры, солдаты и работники, но не было граждан. Было сословие, которое по своему назначению могло бы просвещать и солдат, и работников, и на Стоглавом соборе царь заставил его (духовенство! **Ред.**) дать обещание, что оно устроит народное образование, но мы не зна-

ем, была ли устроена после этого собора хотя одна церковно-приходская школа.

Третьей особенностью московского государственного порядка была верховная власть с неопределенным, т. е. неограниченным пространством действия и с нерешенным вопросом об отношении к собственным органам, именно к главному из них, к боярской аристократии. Ход дел указывал старой династии демократический образ действий, непосредственное отношение к народу. Но она строила государство вместе с боярством, привыкла действовать с помощью родословной знати. Из образа действий Грозного видно, что у нее и являлись было демократические стремления, но стались аристократические привычки. Она не могла примирить этих противоположностей и погибла в борьбе с этим противоречием...

Павел ПРИКАЗЧИКОВ.

Кто и как нас хотел объединить

(НЕ ФЕЛЬЕТОН, А ПРОСТО — «АКТЮАЛИТЭ-ФИЛЬМ»).

«Была время, когда я вами увлекалась, а теперь любовь моя другому досталась»...

(Из песни, которую заиграли казаки-националисты русским «вождям» из казачьего сословия в Праге 4 июня 1939 г.).

Станичник, хочешь получить недорогое удовольствие?

Мы уже наперед знаем, что ответ твой будет утвердительный. Однако, считаем своим долгом предупредить, что в жаркий июньский день поведем тебя на «атаманское» собрание, которое устраивает нам хорошо известное «общество».

Одни называют его «обществом по распространению смуты», другие — «обществом неграмотности», третьи — «обществом измучения казачьей эмиграции». Мы же назовем его, читатель, «обществом изучения», а чего — увидим ниже.

До какой ширины, глубины и высоты развилось почтенное «общество» свое «изучение», пока это является тайной, принадлежащей исключительно членам этой «институции». Тайну эту, надо полагать, они унесут с собой в могилу... Нам же пока удалось узнать, что члены этой «научной семейки» в течение ряда лет занимались, а ныне буквально потеют над делами, имеющими весьма мало общего с наукой.

Разумеется, кто трудится, тот потеет...

Посмотрим же, над чем они трудились и ныне еще трудятся?

Три из них, скажем: два Ваньки (лаптей не носят, но мерку следовало бы взять!) и один Васыка, — до марта сего года занимались работой «высокоплодотворной» — вплоть до подленьких доносов на своих же казаков.

Доносы делались в Чешскую полицию того режима, которому эта «святая» тройка в апреле с. г. выразила публично свое порицание и даже возмущение.

Одну письменную тайну-донос мы видели, читатель, собственными глазами, на нем красуются их собственноручные подписи с двумя инженерскими и одним титулом доктора медицины. Этот документ редчайшей человеческой низости и подлости, хранится в архиве пражской полиции.

Для чего же эти доносы делались? На этот вопрос нам отвечают их друзья, что это делалось с целью изучения психологии и настроений казаков, очутившихся перед лицом «карающей справедливости»...

Были случаи, когда «изучители» применяли к своим еще недавним друзьям и «кулачные» аргументы. Живые свидетели этих расправ твердят, что это делалось с целью испытать степень твердости казачьих кубышек — опять во имя того же «изучения».

Эти ученые (они же принадлежат и к известным «интеллигентным» кадрам) не брезгали обращаться и

к русским (это сепаратисты?!?) за советом, а именно: что им делать в тех случаях, когда их берут деликатно за шиворот и выкидывают из казачьих организаций. Причин выкидывания они понять не могли, а изучить тоже, поэтому кричали «караул!» — да так громко, что на их зов (был такой случай!) откликнулся русский, брат по Христу, Варшавский и публично «защищал» их от напавших врасплох казаков...

И, наконец, недавно эти эмигрантские кадеты-гимнасты стали огибать свой хребет перед народом, который о том никогда их не просил и, мы уверены, не будет просить показывать их гнусное акробатическое искусство.

На этом пока закончим знакомство нашего читателя с этим универсальным «обществом», на этот раз оказавшимся «по атаманской просьбе» в роли собирателя распыленной русской эмиграции из казачьего сословия.

Итак, мы в доме пожарных в Праге — на Виноградах, Божиею милостию время записало в календаре 1939 год, шестой месяц, четвертый день.

«Общество» выступает сегодня не только по атаманскому зову в роли, о которой было сказано выше. От своей «генеральной линии» оно еще никогда не уклонилось. По установившейся традиции выступает всегда на свет Божий, каждый раз маскируясь вывеской еще непопавшей себя фирмы.

На этот раз фирма эта, изволь слушать, читатель, — Донской Атаман.

Сегодня «изучители» разжигают казачьи страсти и, вместе с тем, изучают степень накалки казачьей души, истосковавшейся по родине...

Входим в длинное и довольно просторное помещение. Собрание в полном разгаре... Мать честная, мать пречистая Богородица! — и кого здесь нет? Какая смесь народов! Присутствуют казаки. Это видно по национальным металлическим значкам-флагам на левом борту; потом — русские из казачьего сословия и чистейшие русаки (в последнее время — от марта месяца начавшие «казаковать»), а среди них, как букет живых цветов, сироты из «Обороны России», недавно скоропостижно скончавшейся в Праге. Само собою понятно, что «Оборона России» — России советской, так как иная на карте Европы не существует. Ей, читатель, грозило окружение... Всматриваемся ближе... Оказывается, много мест заняли восставшие из мертвых организации, а между ними расселись и живые... Тут же

присутствует с лукавым лицом и головка хитрая Сельхоза. Ее никто за язык не тянул, но она разболтала свой секрет, что живых людей у ней нет, а список 600 мертвых душ в кармане имеет.

У противоположной стены, за столом под большим зеркалом, сидят члены президиума. Среди них — приятный сюрприз для нас читатель, — бывший Походный Атаман Донцов времен русско-казацкой войны, он же бывший председатель совета министров Донской республики, а ныне Атаман донских непредреженцев — беспартийных в эмиграции. Избирателя «Донского Атамана» выбрали весьма «удачное» время. Целый свет разделился на два политических, явно враждебных, лагеря, а они (вот хитрые ребята!) скрылись с своей беспартийностью за беспартийного атамана и «ништ» себе союзников. А когда их найдут (это они так думают!), тогда могут дать, что называется, «вилляка» от своей беспартийности. В этом заключается их политическая мудрость: дать «вилляка», когда пужно.

Итак, Донской Атаман сидит в середине. Справа от него, говорящий, теперешний его личный адъютант, но фамилии его не называют. Спрашиваем, кто упражняется вольными «движения» слева и, кажется нам, что председательствует.

Слева — оказывается (он не сидит, а стоит), сильно «работающий» руками и громко кричащий, — известный педагог. Он не только учил в Пражской гимназии словесности, но в течение ряда лет усердно помогал русским марксистам и социалистам разного толка рассказывать казачьих детей. (Это утверждают его бывшие воспитанники!). Не за это-ли Донской Атаман «произвел» его в профессора? Он же — историк, ведущий свое происхождение от русских ушкуйников, смешавших свою кровь с воинственными владимирскими богомазами, делавшими лихие казачьи налеты на Дикое поле, а потом осевшими (после того, как вырезали всех казаков!) в юрте станицы Кочетовской на Дону.

К его имени Нирон, а оно почти у всех на устах, вместо фамилии, прибавляют «обрусевший». Пока он говорит свою вступительную речь, длинную и не совсем понятную, слушатели начинают, очевидно скуки ради, (на отдаленных местах от президиума) разговаривать.

Станичники делятся впечатлениями... Один, как видно, приехавший из провинции, обращаясь к своему соседу, говорит: — Чудная имено Нирон, у нас таких в станице не было!... Асманы были!

— Да не бршиш! — перебивает его сосед, — ета имено турецкая и таких у нас не было.

— Накажи мене Бог, Асманы были! — вроде как оправдывается провинциал.

— У маво деда покойника, Царства яму Небесная, — русаки в 19 годе в расход вывляли, был кабель Асман.

— Ну, кабель, а не чидовек, ета дела другая! — При чем, повторая несколько раз слово «Асман», спрашивает: — А хто иво Асманом покштил?

— Наш прадед в 14-ом годе помер, Царства яму Небесная и вечный покой, тада случалось ишо — казачи своей смертю умирали... Вся жизнь нам пра турецкаю канпанию рассказавал и как с турецким гиниралом Асманом-пашой ручкался. На нашей завалинке весь хутор засидал... И бабы иво слухали... В Питровку, как сычас помню, убирали сину касить — в понедельник, чуть на зарю брызнула... А сотенна идути, обнята, па улицы и песни играют... Сиротскаи лайки пропили... А наша сучка как раз ашшанилась... И однаво, братец, кабылька... Дед спрашиваит: — «Батинья, как кабылька дражнить будим?» — а прадед яму приказываит: — «быть кабялю Асманом!»...

— Будя уж табе, на сабранию пришел — слухай, што вученаи люди гутарюти! — осупись на него друго сосед.

Собрание (присутствует около ста человек) с таким «солидным» президиумом производило бы не только приятное, но и весьма выгодное впечатление. Приятно чувствует себя, однако, только председатель «общества изучения». Он, что называется, в своей тарелке. На его лице блаженная улыбка. Секретарь его делает «перебежки» с места на место. И секретаря охватила радость сегодняшнего дня и радость неописуемая.

Он уже всех опросил, кто с ним еще не перестал разговаривать, как им нравится удачная «операция»?.. Получив одобрение и похвалу, он спешит с рапортом к самому Атаману...

После речи председательствующего, а он говорил прочувственно свое вступительное слово, «восторгу» присутствовавших не было конца. В зале было ярмарочное «веселие» (как выразился один старый казак), а к нему, как аккомпанимент, крик Нирона с приподнятой правой рукой, сжатой в кулак (приветствие марксистов!), а левой, натянутой в струну, как будто приветствующей по новому! Это явно говорит о том, что Нирон еще не отвык от старого своего марксистского приветствия...

Говорит не один, а полдюжины ораторов сразу, поэтому Нирон старается их всех перебить, но ему это не удается.

Запоздавший и только что подсевший к нам националист удивленно спрашивает, почему все говорящие ошетишили волосы, а некоторые даже скалят зубы в сторону президиума?...

— Да на каво же скалють, на нашоа Нирона! — слышим чей-то раздраженный голос зади...

А желание, как видно, у всех говорящих большое: проглотить Нирона совсем с сапогами, ненакрахмаленной на этот раз манишкой и записной книжкой...

Тот же голос продолжает. (Шум между тем усиливается): — На нашоа Нирона куда все грибутца, яму быть присидатилим. Он повидеть сабранию. У ниво всегда и на все свой паранграх. Под ним не подживетесь. Он наш не даром член. И атаман яму довириять...

И еще раз слышим слово «член», но какой — не удалось разобрать, так как поднялся такой шум, что голос радетеля затерялся.

Кричали почти все. Кто не кричал, начал шептать вслух. Один, видимо из бывших семинаристов, шепчет:

— Господи Исуси, да што ета такое, иврейская си-нагога или казачия сабрания?

— Какая казачия сабрания, када суда руссакаи затесались? — вмешивается другой.

— А ты не русскай? — спрашивает третий.

— Я казак националист!

— А я русскай казак, — слышим в ответ.

— Если ты, рыла сапатая, абрусел, зачем лезишь на атаманскаю сабранию?

Русский казак пытается что то сказать, но националист продолжает дальше:

— Если тебе белан сделали русаком, то на твоём папрети распишица губернатор, а если из красных будишь, приложит тебе пичать на лоб товариш камисар!

Националист говорит дальше, но его не слышно, так как Нирон призывает уже «не своим голосом» господ и Федота Ивановича к порядку.

Снова слышны голоса:

— Господ и Ивановичей видить, а нас с Кирилловичем не замичаит!

— Постой, подожди, брат, мы далеко сидим, вои и к нам, казакам, присмотрица.

— Моget быть, видь на диштаници сидим.

Наконец, голоса утихают, водворяется тишина.

Из ряда выступлений ораторов, говоривших по разным «моментам» — формальным, правовым, уставным, юридическим, практическим, тактическим, этическим и еще Бог знает каким, — выяснилось, что собравшиеся ничего иного не хотят, как выбрать председателя сабрания, который бы так отчаянно не жестикулировал руками и не кричал, как шабай на конской ярмарке, когда продает слепого мерина или перекрашенную пегую кобылу...

На вполне обоснованное требование, требование уже давным-давно приобревшее права гражданства на всех сабраниях, Нирон упорствовал и не соглашался... «Победа» оставалась на его стороне. Радетель явно ликовал:

— Я же говорил, што нашоа скакуна не перего-нють!

Кто то из возмущенных ему отвечает: — Увидим, паринь, скакун он будить или Тамбовская сивка!..

Публика начинает нервничать. Все чаще раздаются выкрики с мест. Ораторы вне очереди и без разрешения атакуют... Нирон отбивается буквально на все четыре стороны. Возмущение растет и ширится. Оно

захватывает и бывших толстовцев (в иных странах их называли сменевеховцами), состоящих с ним в одной организации. Голос у Нирона, как у станového пристава, попавшего в среду мужиков, намеревающихся взбунтоваться.. Он все время не говорит, а кричит...

Криком, отсутствием элементарного такта приличия, никому непонятной неуступчивостью, он вызывает бурю негодования. Наконец, он напрягает последние голосовые силы и кричит благим матом:

— Да поймите-же вы, господа, и Федот Иванович!

Знакомый уже нам голос:

— Я же тебе говорил, на диштанции сидим, опять нас обносит..

— Господа и Федот Иванович! — повторяет Нирон, — какая может быть дискуссия? Ведь мы (он особенно подчеркивает) собрали представителей казачьих организаций посоветоваться... И достаточно по одному представителю от каждой. Я должен потребовать мандаты...

— Как, по одному? — вскакивает, перебивая его, и бежит с места один русский кубанец, с ясно выраженной лысиной. Его место осталось далеко позади. — Вольные казаки, — кричит он, — недавно устраивали окружной съезд, у них был один делегат от пяти. Нас сто двадцать шесть. Мы выбрали всего-навсего только 23, а то еще мало, имеем право на 27...

Голоса: — Четырех, значит, не хватило!

— Да их как раз двадцать одна сила совсем с Нироном!

— Стало быть, два прибрехали!..

Но их перекрикивает здоровенный мужик с купеческим брюхом. Читатель, не узнаешь? Разрешить представить: это Федот Иванович! Он встает, часто дышит. Кулаки его трясутся в воздухе. Видно, очень взволнован:

— Я здесь атаман, я буду говорить, а не ты! — тычет он пальцем на лысо.

Лысый ретируется моментально. Робко повесив голову, он возвращается на место и садится.

Голоса: — Видишь, служивый (он в какой-то форме), как тебе приакуратили!

— Под полую постригли!...

— Не подставляй чубатый кателок под пирикрес-най огонь!...

— Он! Я буду говорить! — повторяя, кричит мужичек, — и только я!

Он потрясает кулаком правой руки, как будто грозит здесь где-то спрятавшемуся противнику. Кулак у него, как чекуша. Дальше орет: — Здесь список имею, все на лицо! Мы можем выбрать 27, но нас довольно на вас 23. Мы, казаки и русские люди, выбрали (указывает пальцем на ген. Попова) дорогову нам, войскову и Донского господина атамана и мы, мы яво поддерживаем!

Голоса с мест:

— Не поддерживай, пока не падает!

— А кому же вы передали Грабля?...

В зале поднимается страшный шум.. В хаосе голосов слышны выкрики Нирона: — Федот, Федот, Федот Иванович, господа... господа и Федот Иванович! Да нельзя же так! Слово не даю! Призываю к порядку!..

Федот «закусил» удила. Как ужаленный ядовитым насекомым, он, после слова «Грабля», быстро поворачивается спиной к президиуму, а лицом к группе националистов и орет:

— Я представляю, я атаман, наша станица самая здоровая, наша станица самая большая!...

Нирон делает опять попытку призвать оратора к порядку, но безуспешно. Руки его беспомощно опускаются.

Сосед слева замечает: — Нирон умялся!

На этот раз «инициатива» всецело в руках Федота, он уже не кричит, а ревет, как зверь: — Наша станица обидняет всех истинных русских людей, мы вам покажем, вольным, как мишать обидняться... Нас больше, чем... нас сто двадцать шесть.. (делает паузу)... — Вас полторы калек, а двадцать лет баламутит Казачеству, вам тут делать нечего. Я, мы обидим, мы всех запишем казаков!...

Крики: — В толстовское общество?

Но он не слышит.

— А кто не запишится к нам, тако приказем записать!...

Поднявшийся шум и гвалт сбивает с панталыку Федота, он садится. Дышет тяжело, не может отдышаться. С его лица льет пот. Он утирает его рукавом. Сосед его, подхорунжий Птицын, который ему все время одобрительно подкакивал, жмет Федоту крепко руку со словами: — Я же завсегда говорил тебе, Федот Иванович, тебе быть вождем трудового Казачества!

Другой сосед: — Федотушка, дорогушка, ты же им и прочистил кишки!

В ответ слышим: — От одново Подтелкова избавились, другой объявился!

— Федот нам прочистил кишки, а когда домой поедим, у вас шаровары замараны будут!..

Федота сменил другой оратор, разумеется — вне всякой очереди:

— Я не сумлевался и не сумлеваюсь, станишники, что большая ваша станица.

Федотовы друзья одобрительно покачивают головами, физиономии их расплываются. Говорящий, глубоко вдохнув, повторяет:

— Большая ваша станица (Федот насторожился, у его окружения физиономии еще шире, появляется даже улыбка) или малая, — продолжает оратор, — мерить нас ни буду, аршин с сабою не принес. (Носы опускаются, улыбка исчезает. Федот видно нервничает: его правый кулак на столе подскакивает). — Но я дюжа радуюсь, што вы до ста двадцати шасти считать навучились и што вы можете диллигатов выбирать и списки членов писать, и кучирява речи говорить, когда вам хто нибудь напишит, но всех ваших качеств недостаточно. Казаков не могут обиднить русские люди, да ишо такая, какия ламали ленинскую службу в красных партизантах, как к придеру сказать, толкья што отгорячившайся Федот Иванович с своими однасумами. (Федот и односумы бурно протестуют... Оратора не слышно. До нас доносятся отдельные фразы): — Мерить вас была бы дела дохлая! (Вой усиливается). — А Казачеству биспалезная! (Его перебивают, не дают говорить). — Минне можете записать што сорок разов, но я и вся Казачества за вами не пойду. Кто хочить в Москву, тот и без вашаву батьки дорогу найдеть. Домой нас привядут вольные казаки! — кончил уже скороговоркой старый казак.

Царит хаос. Страсти разгораются. Кто то подшучивает:

— Не пора ли устроителям пожарных звать?

— Да чиво их звать, они тут в курице сидят! — последовал ответ.

Между тем, к слову «добрались» студенческие делегаты. Они приехали из далекого провинциального города. (Их вышло десять. Сколько денег, читатель, израсходовано без толку!). Их станица, как они заявили, самая большая; при чем, тут же мы узнали, что станица студентов самая старая, не по времени, а по возрасту своих членов.

Не даром один шутник язвиво заметил:

— Этим студентам не в Прагу, а в Париж надо было ехать к Воронову, чтобы он их немного омолодил. До ста лет будут учиться и срамить Казачество. Им, наверно как Фильке, не дается грамотка...

Студенты долго и упорно «выясняли» с Нироном: как могло произойти, что их приехало десять, а председатель заявил, что для совещания вполне достаточно одного. Не получив удовлетворительного ответа, после довольно продолжительной словесной стычки, они решили «мстить».

Бедняга Нирон и сам не мог разобраться, как это все случилось. А «изучители» действительно запутали дело так, что в нем не мог бы помочь себе и мудрый Соломон. Повестки — разного содержания, о числе делегатов — ни звука!

«Месть» студентов была понятная, поэтому из их среды раздаются крики: — Долой Нирона, сменить, поставить нового и более толкового!

Нирон мужественно защищается... К студентам присоединяются остальные. «Месть» студентов оказалась искренним желанием большинства собравшихся...

— Выбрать председателя! — Дальше уж терпеть нельзя! — слышны снова выкрики.

К дружным и единодушным протестам присоединяется (о ужас, читатель!) и Ниронина организация с

Федотом во главе. Из публики кто то кричит, что надо называть кандидатов.

Федот орет: — Наши кандидаты — ребята Сидоряшкины из «Обороны Рассеи»!

В ответ слышим реплику: — Советы первой приз берут!

За Федотовыми кандидатами следуют еще лучше, их называют: — А наши кандидаты ребята Харлашкины из покойной редакции «Да здравствует Рассея и т.д.!».

На это слышится знакомый голос: — Слышишь, Кириллович, мы на них давно хихаем, а они ишо здравствуют, живущиися ребята!..

И на этот раз Нирону удалось призвать к порядку «взволновавшихся». Слышим замечания: — Эта, кажется, последняя атака отбита, но все равно дрогнуть. Без лизервов объявил всем войну...

Наконец, удается получить слово, известному тебе, читатель, председателю «общества изучения». До сих пор он сидел молча, но с достойным видом и осанкой. Он встает. Ростом его Бог не обидел. На плечи аршин не хватит. Манерами обнаружил, что умеет себя держать. Первое впечатление — это весьма приличный по внешности человек... Голоса, говорящих с мест, еще не утихли. Он ждет, видимо слегка волнуется; потом овладевает собой и, когда голоса совсем утихли, начинает говорить.

Нирон, усевшись, глубоко вздыхает, как будто свалил с плеч тяжелый груз; при этом приятно мнет руки. Он чувствует себя, как моряк, только что переживший морской шторм и счастливо приставший на спасательной лодке к берегу...

Оратор долго говорит, объясняя аудитории, как Донской атаман нашел «общество изучения», как драгоценный клад и не быть его, совсем бы казаки не объединились, так как сезон на собрания «прошел», и присутствующие должны быть признательны и благодарны только «обществу»... И т. д. и т. п.

Пока он говорит, мы слышим отчетливый голос:

— Я тебе ишо раз спрашиваю, кто говорить? — обращается к возле нас сидящему, очевидно тоже приехавший из провинции казак.

— Да ты глухой, штоля, Нирон же тебе казачим языком сказал: присидатить общства.

— Какая общства?

— Общства, общства... — поясняющий запнулся. — Ху, да как-же, забыл, постой — общства... общства... общства измучения!!!

— Общства измучения? — повторяет провинциал, недоумевая.

— Общство измучения! А каво же они мучить будут?

— Да хуть нас с табою! — отвечает уже с досадой сосед.

— Как жа так? — не унимается любопытный, — нас и мучить и будут?

— Да постой, подожди, не гутарь, слухай што чиловек гаварить, у нас таких людей мало...

Провинциал сосредотачивает внимание, а немного погодя, заявляет как будто про себя:

— Сикеть, как прафесарь!

— Да не прафесарь, братец мой, — возражает кто-то, — вон и прафесаря, как кинжал, за пояс заткнуть!

— Да ну?

— Вон, дорогуша, больши чем прафесарь, вон дохтор, анжинер, полковник и министр!

— Министар?... А какуя яму министерству пожаловали?

— Ни знаю, када кончить, тада спросим.

Провинциал, однако, не перестает, а продолжает дальше: — Дикованная чуда, такая безработица, а наш казак и столько мистов занимайт?!

— Да ни наш, а кубанец! — отвечает сосед.

— Кубанец? — удивленно спрашивает любопытный. — А говорить, што кубанцы от нас отшатнулись...

— Да вон, знаишь, вроди как из вольных, а вольнай-же хочуть все вмести за один гуж тянуть, ни так, как была раньше...

— Здравенная дятна, вирьятна в атаманцах служил!

— Ми в атаманцах не служили! — ввязывается в разговор, как видно, кубанец.

— А ты, станица, тоже из кубанцов будишь? Мо-

гешь хорошо знать вашава станишника. Скажи, иде служил?

— Та ми його знаемо, як облупиного. Коли буж дома, служив в пілотах, тай тепер у них рахується, а тут служив чи служит, добре не знаю, у банці.

— В банки? стало-быть, дянгу грибеть лапатаю?

— Це може бути, — соглашается кубанец.

— А в атаманцах не служил, — как бы сетуя, повторяет провинциал.

— Та кажу-ж тобі, що він пілот-льотчик, дома літав і тут літає. Облітав за кордоном усі козаці журналі і газети, та кажуть, що й у чужих побував. А за це ось недавно поліція забрала у його радіопарат. Розумієш?!

— Значить, пострадал за Казачества?

— Як бачишь, — добавляет с нескрываеомой иронией кубанец, — одним «мучеником» є більш...

— В таких случаях может быть правда, што вон состоить в общстве измучения Казачества. Пальзительнаю работу затеяли. Стало быть, вядуть учет всех шкод и убытков; замученных русаками, убитых, ранетых, хто скольки в тюрьме сидел, каму какуя имущество изничтожили, сколько отобрали дома и тут, — он остановился... — Вот нашлись молодцы! А потом, значить, пред'явим счита. Плати Москва! За триста лет нам казакам не выплатишь!

— Ни багатеи! — вмешивается в его расчет сосед. — В Расеи ишо ни один народ с жиру ни сбясился!

Но провинциал продолжает дальше: — Мы чужия границы зачищали, за ета нам чины и ардена жаловали, пряязи завсягды брали, а на нашу Землю навалились русаки — мы им все дарма отдали. Ты видишь — (он поднимает левую руку и, обращая ее ладонью к соседу, продолжает, видимо, с чувством глубокой горечи и незаслуженной обиды) — видишь маю музюлистаю ладошку? от чиво ана парепалась? От чужой работы! — отвечает сам, — репаюша и репались казачьи руки, от зачищения чужих границ капились и будуть катица казачьи катялки... А какая польза от вснво етава нашему народу, народу казачьиму?!

— Ты мудруишь, Назарович, от самава Наварасейска и как ни мудруй, а страна Расея вяликакая и, хочеш ни хочеш, любить ие должен.

— Я ие, паринь, люблю и ты ие должен любить и вся Казачества, но так (он делает паузу, тяжело вздыхая), но так, как цыган украденаю кабылу!..

Пока оратор говорил, аудитория переговаривалась шепотом. Время от времени слышны были только отдельные выкрики, замечания. Нирон как будто не волновался. Сидел спокойно. Но не успел председатель «общества изучения» закончить свою речь, посыпались к Нирону полные негодования и возмущения вопросы.

— Какая общство? Мы такуя не знаем. Каво изучають? Чиво извучають? Как бы подароже? Извучають как с русаками ипать союз заключить? Казаков сналыгать ипать Москву покорять? Нам говорили Донской атаман собирайт. Мы получили повестку от Донского округа в Праге, а не от общества!

— А нам Васья Оков, секретарь общества изучения, послал извещение, — заявил представитель русских монархистов.

Поднялся страшный шум и крик. Нирон тоже кричал во все горло, стараясь перекрыть «взбунтовавшееся» собрание, но напрасно. И неизвестно чем бы кончился этот «восточный» базар, если бы не взял слово сам Донской атаман. Он заявил, что инициатива собрания принадлежит ему, что он находит необходимым и даже полезным побеседовать с казаками (— А зачем же русаки пришли? — спрашивают с мест), но так как «на руках устава не имеет», то обратился к обществу...

Голоса с мест: — Хороших гуськев нашел! — Они тебе памогуть браслеты на руки надеть и в русскаю кутузку попасть... — Они на ето мастира... — На ето счет ни только тут, но и в Билигради пратекцию имеют...

Дальше атаман сказал, что создавшиеся условия повелительно диктуют необходимость создать объединение казаков всех организаций «или, так сказать, союз организаций»... И т. д.

Зачем понадобился Донскому атаману союз организации? А каких? — Увидим ниже, читатель.

Выборами «непредрешенцы» с Дона дали Донскому атаману, что называется, и перо и ручку в руки — садись и строчи приказы!.. Да еще к тому и Основные Законы в полном распоряжении... Нет, Ваше Высочество, не с того надо было начинать. Вам надо было начинать с азов, с азбуки. Этой политической азбуке, если бы Вы хотели, могли бы научиться у немецких генералов... Пока же Вы изволите потеть над объединением организаций. Занимаетесь делом, заведомо дохлым. Сами в этом скоро убедитесь... Нирон потеет с Вами и без толку...

—

Дышать, читатель, становится трудней. В зале накурено и накурено сильно. Сидящие за столом с пивом начинают чаще прикладываться к пивным кружкам. Кто не пил, курят одна за другой...

Выступление атамана только на короткое время охладило разгоревшиеся страсти, но отнюдь не отстранило тот хаос и беспорядок, которые царили здесь от начала собрания...

Инициатор и Нирон так растерялись, что на них просто жалко было смотреть. Искренно признаемся — нам хотелось плакать над беспомощностью тех, кто хочет «вести» Казаков.

Чем дальше, тем больше они запутывались — буквально, как пауки, — в паутине собственных противоречий и своей же растерянности...

Прошло 2 часа от начала собрания. Нирон не просит, а требует мандаты...

Один кубанец, кажется по фамилии Скороходов, перегнав всех ораторов (а говорить хотели все сразу!), желавших говорить по «мандатным» мотивам, заявляет от имени организации кубанцев, осевших у устья какой-то реки, что мандатов они не имеют, так как в повестке, которую они получили, не было ни звука о мандатах. После такого заявления, они тут же решают присутствовать на собрании как «знатные» гости.

Первого сменяет другой представитель — тоже, говорят, кубанец — Мягкий по фамилии, — но весьма твердый, выносливый и терпеливый штаб-офицер пластун, успевший (слушай, читатель!) за 20 лет эмиграции подползти на животе к самому подножию русского трона и уцепиться одной рукой за кирилловскую «ножку»... Но, предоставив слово ему. Пусть он сам нам расскажет, — «как служил и как границу перешел», и как думает объединить каз. организации.

Он встает. Видно, на царских хлебах ему не плохо живется. Степенно и с достоинством заявляет, что, во-первых, — он является в настоящее время представителем казачьего центра русских малолеток (сосунков!), так как блюстителю престола угодно было повелеть нашему лидеру (известный из донских прерий ковбой Чапкин!) явиться к нему с всеподданнейшим докладом и за получением монарших милостей; во-вторых — представителем русских легионистов монархистов (слушай, читатель, кого инициаторы пригласили объединяться?) и, наконец, организации каких-то (нельзя было разобрать) юных вотяков, переселившихся из русских губерний на берега казачьих рек и их притоков...

Перечисление этих организаций у большинства присутствующих вызывает веселое настроение. Все громко смеются и смеются от души. Один даже ухватился за живот со словами:

— И почему этот чудака, дядя Ваня, каких мы видели на русских коробках с папиросами, не выступает в театре Бурьяна? (чешский комик).

Смех еще не утих. Оратор продолжает:

— Так как все члены этих патриотических организаций уехали в провинцию в служебные командировки (казаки говорят, что ездят они побирать), а некоторых «уехал» старый демократический режим за границу, то я остался в Праге один, мандатов подписать было некому, поэтому я здесь, господа и Ваше Высочество, буду присутствовать без них.

Этим он закончил свою «мотивировку» и сел. Но тут же вскакивает и заявляет: — Да, еще забыл, господа, — я являюсь представителем Кирилло-Мефодьевского русского братства, собирающего пожертвования на «белое движение».

Оратор снова сел. Слышны голоса:

— И святых к себе заманули!

— Двадцать лет собирают в казну Миколая Угодника, а с места ишо не сдвинулись...

— Они ждут, когда казаки их сдвинуть...

На ораторской очереди очутилась ныне студенческая «команда», читателю уже известная. В начале она, по очереди и вне очереди, «состязается» с Нироном. В результате узнаем, что пославшие ее снабдили ее полномочиями-мандатами, но сверить свои мандаты президиуму она не может, так как ей совсем неизвестно, каким махинациям (точное слово!) могут подвергнуться такие драгоценные документы...

Нирон, до сих пор стоявший на месте, выскакивает из-за стола, размахивает руками — очевидно, в знак энергичного протеста, и не говорит, а кричит во всю мочь:

— Как вы можете подозревать меня, меня старого человека, меня общественного деятеля? Я категорически протестую против употребления таких выражений, как «махинация», и вместе с тем предупреждаю вас всех, господа, как бы вы не зацепились за параграф местного — нет, не местного, а имперского немецкого закона!...

Он делает паузу.

Воспользовавшись паузой, студенческая команда берет инициативу в свои руки. Право (если вообще оно имело здесь место) говорить переходит, как мяч на футбольном поле, от студентов к Нирону и наоборот. Происходит словесная потасовка. Студенты отчаянно защищаются: незапятнанной совестью, долгом перед родиной, святой обязанностью перед пославшими их и, наконец, перед историей каз. студенческого движения за границей. Но, все это бесполезно. Их ясные слова меркнут, а острые аргументы тупеют... «Махинация» для студентов оказалась роковой. Нирон, что называется, прижал их к «махинации», как к стене.

Совсем неожиданно собрание очутилось «у сути дела». Они соглашаются вытащить свои мандаты из карманов и только показать, но без всякой передачи. Один из них все же протестует. Нирон, что-то сбивчиво разъясняет, высказывает свои неясные предположения... Делегата с фамилией на «ович» это не удовлетворяет, он садится, заявляя: — Я все же мандат из кармана не вытащу!..

Почему «дебатировал» Нирон из-за мандатов, когда сам еще в начале заявил, что для обмена мнений достаточно по одному представителю от каждой организации?

Еще не уgomонились студенты, как пытается говорить Федот Иванович, но председатель его решительно усаживает, не дает говорить.

Рядом сидевший подхорунжий Птицын страшно возмущен отношением Нирона к представителю «трудового» Казачества Федоту. Не вставая, он вслух говорит:

— Студенты могут говорить и в очириди и бяз очириди, а нас, трудавуя Казачеству, к слову не пускают. Ипать гиниралы и всякия прочия антилигенты нас хочуть, трудовых, от сохи и музоля...

В это время кто-то спрашивает:

— А у тебе музоли-та откуда же взялись, от сдаци, штоля?

Птицын делает вид, что не слышит:

— Нас, казаков от музоля и сохи...

Тот же голос уже с досадой спрашивает:

— Да ты сохой то карты равняишь?

Голос другой: — А бараной с кону сгрибаишь?..

Но Птицын, не смущаясь, говорит: — опять, как во время атаманских выборов, хочуть нас на блоки взять!..

Нирону удается призвать разговаривающих к порядку. Он решил прочитать список организаций, которым были разосланы повестки.

В бесконечном списке проходят перед нами: украинские хаты, кубанские курени, запорожские коши, союзы казаков, хотевших окончить и окончивших высшие учебные заведения, объединения русских «диломированных» земледельцев (дипломами они награждались их лидером-генералом за то, что ловко крутили хвосты чужим быкам!); потом следуют: общества, округа, станицы, хутора и группы. Дальше целый ряд организаций: украинцев с Кубани, кубанцев с Украи-

ны. Потом промелькнула запорожская сич с пивничного Кавказу. За нею прошли стройными рядами Терцы с Дона, Донцы с Терека; наконец, культурные комиссии Калмыков из Монголии, Монголов из Калмыцкой республики и в заключение, колонны имиритинцев, мингрельцев, абхазцев и лазов.

Одним словом, читатель, перед нами, как на экране, прошли организации всех народов, живших на Казачьих Землях и проходивших по ним, видевших их сдалека и сблизка, и не видевших их никогда...

Нирон только что кончил чтение списка, как слышим вопросы:

— А где-же чукчи и камчадалы, почему отсутствуют?

— Юкайров нету среди нас, почему их не позвали?

Этих вопросов председатель не слышал за дюжиной голосов ораторов, желавших говорить, но все же чей-то ответ на них последовал:

— С ними министр внешних сношений не успел еще навявать связь!

За этим ответом последовали замечания:

— Кабы знал, где живут, давно бы смотался и к ним!

— Да будя уж вам миронизировать!...

Надо заметить, что при чтении списка организаций, Нирон каждый раз, когда на очереди была волно-казачья организация, буквально «ставил» свой нос на список и что то сюсюкал про себя. Очевидно, они «резали» ему глаза, поэтому близорукость его усиливалась.

Тут же оказалось, что некоторые высокопоставленные особы, как например, терский «посол», аккредитованный в Праге, не был занесен в список. Против этой досадной оплошности он сейчас же заявил президиуму энергичный протест. Нирону, однако, не пришлось приносить дипломатическим путем извинение обиженному послу. Его усадил присутствовавший здесь единственный гражданин Терека словами: — Садись и не гавкай, тебя никто не посылал сюда и не уполномачивал...

Посол огрызнулся. Гражданин продолжал: — Атаманских подданных здесь нет, а себя я буду представлять сам!

Посла это обстоятельство не смутило, но он все же сел, весьма довольный своим своевременным дипломатическим шагом. С такой «удачей» он едва ли встретится еще раз за всю свою карьеру...

«Любезно» усадивший посла на место был не кто иной, как терец, полк. Перекопов.

Прочитав список, председатель «предложил» желающим высказаться. Их — хоть отбавляй. Среди желающих давно стоит с вытянутой рукой, как с пикой, окружной атаман казаков-националистов. Нирон умышленно его не замечает, но записка, посланная с нарочным в президиум, «смягчает» твердое сердце потомка владимирских богомазов, поэтому он объявляет господам (уже без Федота Ивановича!), что он предоставляет слово представителю Национального округа Билого (на слове «Билого» делает особенное ударение) в Праге.

В зале воцаряется полнейшая тишина, какая за все время нашего пребывания не имела здесь места. Все присутствующие насторожились, ожидая, что скажет окружной атаман казаков-националистов. Нирон нервно зашевелил усами и так, что твердо сидевшее пенсэ на носу покосилось. Он поправляет его правой рукой, говоря: — Слово представляется господину Полякову.

Окружной атаман встает и спокойным баритоном заявляет:

— Станичник председатель, я не господин, а казак, поэтому прошу вас обращаться ко мне, как я к Вам.

Нирон сюсюкает под нос: — Это все равно — господин равняется станичнику, а станичник господину...

— От имени Национального округа в Протекторате Чехия и Моравия, от организации, легально существующей, а не от округа Билого в Праге, как изволяете выражаться, станичник председатель... (Голос звучит, отчеканивая каждое слово). — Позволяю станичникам заявить, что мы, националисты, всегда горячо приветствовали и приветствуем казаков, жаждущих объединиться около казачьей национальной идеи...

Нам, однако, не понятно, как инициаторы сегодняшнего собрания думают провести в жизнь объединение организаций и, еще к тому же, мертвых с живыми? По нашему глубокому убеждению, можно объединить живых людей около живых идей, ставя себе при этом ясные и определенные задачи. Как понимать содержание, полученной нами повестки — «приспособиться к новому режиму и создавшимся условиям и объединить казаков на авторитативных началах? Мы такой способ объединения не признаем и такое собрание признать и присутствовать на нем не можем. Способ «приспособления», изобретенный инициаторами, оскорбляет казачье достоинство, а во вне делает нам, казакам, скверную рекламу. Нам, националистам, приспособляться нечего и не к чему. Нас уже давно объединила казачья национальная идея, поставившая нам единственную задачу — освободить нашу Казачью Родину от русских оккупантов...

Федот с места начинает рычать, как цепной пес. Два толстовца вскакивают с мест, помогают ему. В их среде особенной ревностью отличается знакомый нам, читатель, подхорунжий Птицын, когда-то также ревниво заполнявший анкеты «неграмотным» казакам на советском консульстве. Говорят — без какого либо возмездия, так сказать — из любви к ближнему...

Разумеется, атаман говорить перестал. Он ждет, когда председатель «наведет» порядок... Шум, рев и гвалт Федота и его двух «коллег» покрываются громкими аплодисментами казаков националистов и им сочувствующих. Нирон толстовцев «успокаивает», но так, чтобы они не успокоились, а продолжали орать дальше. Нам понятно (и мы не удивляемся), что он хочет дать «выговориться» членам своей организации...

Прошло не менее 5 минут, пока толстовцы выговаривались, а потом утихли...

Окружной атаман продолжает: — Вы хотите объединить организации в богадельню, где бы могли теперь скрываться, потерпевшие политический крах, русские марксисты и социалисты из казачьего сословия... Мы не считаем таких людей достойными объединять казаков. Их прошлое не дает нам возможности признать их инициативу. На основании всего сказанного, Казачий Национальный Округ не признает это собрание целесообразным и имеющим перед собою какие либо казачьи задачи и потому отказывается принимать в нем участие.

Нирон выскочил из-за стола и бежит к аудитории; руки его мелькают в воздухе; своим криком он уже не призывает к порядку, а, наоборот, вызывает беспорядок. Сидящие скраю кубанские «гости» низко наклоняются к столу: Особенно низко прилегал стан. Скороходов, очевидно, опасавшийся, как-бы сорвавшийся с места председатель не задел его по уху.

Казачьи патриоты дружно аплодируют своему атаману. Федот и его два толстовских компатриота режут, уподобляясь обитателям зоологического сада.

Хаос и беспорядок полнейший... Кто-то довольно громко кричит: — Нирон сорвался!

Его спрашивают: — Откуда, со стола?

— Да, нет, — следует ответ, — сорвался с петель!

— С каких?

— С русских!

Здесь же раздаются голоса: — Да давайте же, в конце концов, приступим к делу! — Вечерест, пора домой идти!

— Мы давно говорили, — кричат студенты, — брать председателя нового и более толкового...

Называют опять кандидатуру ребят Сидоряшкиных и Харлашкиных. На Нирона надвигается неминуемая катастрофа. «Донской атаман» пытается спасти его от угрожающей гибели и заявляет, что Нирон им назначен в председатели, но этим своим заявлением только «подливает масло в огонь»...

Снова называются кандидатуры и уже с угрозами в адрес Нирона. Ему ничего не остается, как опросить названных. Сидоряшкины ребята дают согласие. Остальные отказываются. Голосуют. В голосовании казаки не принимают участия. Русские из казачьего сословия и чистейшие русаки голосуют единодушно. (Члены «общества изучения» тоже голосуют!).

Федот на радостях поднимает обе руки со словами: — Наша биреть!

Таким образом «Оборона России» воскресла и заняла председательские позиции. (Над ее воскресением потрудились Донской Атаман с «обществом изучения»). Избиратели посылают ей подкрепление.

Направо от «Обороны России» «залегают» русские кубанцы (не пластуны!), а налево «окапываются» русские марксисты из казачьего сословия. Рука «Обороны России», как было там, дома, в Родных Краях, так и здесь — повисла над нами...

Нирон «отвоевался». Пад геройской смертью «назначенный богатырь», беззаветно и храбро защищавший атаманские позиции. Капризная фортуна повернулась к нему спиной, не дав ему возможности снять «богатый» урожай с полей объединенных организаций...

Покидая свою насиженную позицию (три часа, чи-

татель!), Нирон опустил низко свою голову. Теряясь в массе, он безнадежно машет рукой и шепчет, как молитву, свою классическую «аксиому»: «Что касается эмигрантской массы, толпы, то тут действует стадная глупость, самый страшный бич человечества»...

Итак, собрание, избрав новый президиум, приступило к деловой части «программы». Надеемся, читатель, что «официоз Донского атамана» принесет нам подробный реферат о деловой части этого собрания. Мы же, читатель, провожая Нирона в эмигрантскую массу, толпу, куда его послала «Оборона России», говорим ему напутственное слово:

— Нирон, не приспосаблийся ни к режимам, ни к России (какая бы она не была!), будь тем, кем тебя мать родила — казак! Этого требуют от нас и от тебя грядущие события...

ДОВОЛЬНО ПОЛИТИКИ ВРЕМЕН 1917-20 Г.Г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СТАНИЧНИКУ АРЖЕНОВСКОМУ.

Вы абсолютно правы, говоря, что Вам нечего делить с нами, вольными казаками, хотя Вы и считаете себя вольным казак. (Считаете, но таковым не являетесь!).

Я думаю, что и все казаки-патриоты, осознавшие что такое: «Наш девиз — Казачья доля, Казакия — наша цель», согласятся с этим. Делить же Казачество на: лучших и худших, белую и черную кость, «хохлов» и «москалей» — удел русских казаков, и тех казаков, кто не совсем еще «выветрился». Последние же или молчат, как-бы стыдятся и своих и чужих, или же лезут на «рожон», не щадя никого.

Храбрость — свойство не плохое, но не всегда она бывает нужна. Если бы в свое время у нас было меньше бестолково-храбрых, стремившихся к завоеванию Москвы, а побольше разумно-мужественных для того, чтобы поставить на «свое место» чужих и напомнить своим о долге, — очень возможно, что и «9000 мертвых Гундоровцев» не фигурировали бы в бахвальных заграничных рукописях казачьих военачальников, сдавших экзамен на храбрость. Если бы каждый из таких их экзаменов обходился бы казакам в «9000 Гундоровцев», то, поверьте уважаемый станичник, нам с Вами не пришлось бы здесь что-либо «делить», так как все мы, казаки, обязательно попали бы в одну из групп «9000 Гундоровцев».

Вы, наверное, обратили Ваше внимание на следующее ненормальное, парадоксальное явление, наглядно подтверждающее «самоуверенность» некоторых: то в «К. Е.» высказывается убеждение, что Билый ни на что не способен, ибо «ничего не создал», и подается ему совет «уйти в небытие», то он, Билый, может понадобиться еще при решении больших казачьих задач... непременно почему-то в сотрудничестве с Коноводовым, а не наоборот...

К этому надо еще добавить: стан. Якименко раз два предлагал (видимо, по поручению «председателя Казачьего национ. центра») станичнику И. Н. Плахову стать редактором «К.Е.». Стан. Плахов никогда редактором не был и, по своей скромности, предложения этого не принял, да он и не верит в «их акцию»...

Какой же может быть прок Казачеству от таких «искренних и способных» казачьих деятелей при решении задач более важных и более сложных, чем редактирование небольшой газетки? Можно-ли доверять судьбу хотя бы части Казачества таким «борцам», приемы борьбы которых напоминают приемы 1917-20 г.г.? Опасно!

Прошу Вас, уважаемый стан. Арженовский, передать кому следует, чтобы не очень уж пренебрегали они мнением тех казаков, которые, вопреки чаянию «блестательных», все-же признают по праву своим старшим казака Билого. Мнение-же и вожеления таких казаков отредактированы и отпечатаны все тем же Билым в №№ 261, 262 и 263 «ВК» под названием «Проект декларации Казачьей Воли и Союзной Конституции Казакия».

Это для нашего обще-казачьего курения там, и здесь: первое и главное, необходимое как воздух, —

полное и окончательное духовное и моральное освобождение от руссофильского влияния всех казаков, силу имущих, а также следует помочь сделать это и немущим ее побратимам, для того, чтобы легче было, раз и навсегда, посадить на известное место великоросско-казачьих вожаков. Остальное... приложится.

С нижайшим к Вам почтением и с вольно-казачьим приветом

Казак станицы Краснощековской В. В. Д.
Е. С. Басакин.

—«»—

1) П. С. «Десять вольных казаков» из числа членов Парижской имени А. И. Кулабухова станицы, оказавшиеся «биловцами», являются как раз теми, кто в свое время, не колеблясь, образовал эту станицу и понял, что Билый полезен для Казачества, чем Балинов. Что касается меня, «одинадцатого» («новичка»), то я не с ген. Коноводовым потому, что для меня важнее всего на свете: **избавление от мук наших братьев-там, восстановление поруганной славы и чести казачьей, образование и организация Казакия** на благо и процветание наше и будущих казачьих поколений. А блещит-ли что у кого на плечах, мне совершенно безразлично. Лишь бы была на этих плечах разумная голова, добрая душа и прямое казачье сердце...

2) П. С. Два совета Вам, станичник Арженовский. Хотел бы дать на будущее. Первый: когда будете писать следующий раз в «К.Е.» или в другом каком издании, то сначала переименуйте «писаря», а то уж очень однообразно выходит, да и стиль все время тот же самый, — всем известный.

Второй совет: не поднимайте больше и лезенных вопросов, а то читатели невольно подумают, что если бы, например, фамилия Походного была в списке оказавших помощь Арженовскому, то и поведение самого Арженовского было бы иным...

3) П. С. Хочу два слова сказать еще и о самом № 6 «К.Е.», в котором помещено письмо станичника Арженовского.

«К. Е.» до сих пор выходило (все предыдущие пять номеров) каждый раз под редакцией нового «постоянного» редактора. А этот № 6 (июнь 1939, Париж) вышел под редакцией нового уже «временного» редактора. Под какой же редакцией выйдет следующий номер 7-ой?

Те, кто далеко живут от Парижа, те вероятно будут в недоумении, читая «распоряжение № 8». А нам, парижанам, известно, что «центр» просто не может никак установить редакционной коллегии, ибо уж очень много у них здесь желающих побыть редактором хоть раз в жизни (об умении таких кандидатов говорить не буду). А главное — сам парижский «центр» уже выписался, «исписался», иссяк и потому начал повторяться и... крутиться на месте... Потому и передает он временное издание «К. Е.» в другие страны — хочет, видимо, отдохнуть, оправиться и набраться новых сил.

Выручат ли «провинциальные» «центрики» свой столичный «центр» — увидим.

Е. Б.

ПОЙМИТЕ-ЖЕ И ВЫ...

Красиво излагаются фразы на клочках бумаги некоторой «старшиной». Не могут не ласкать казачьего уха и призывы некоторых генералов, когда они исходят из глубины души казачьей. Но, на ряду с хорошими призывами (имею в виду здесь статью полк. Федорова в № 6 «К.Е.», если только она искренна), не могут не драть казачьей души железными ногтями различные **поганки**, как напр. «Информация № 3» от «Совета казачьей старшины» в Софии и «письмо» ген. Коноводова И. А. Билому в «Каз. Ед.» № 6.

Когда истрадававшая по родным степям казачья масса слышит искренние призывы своих бывших начальников, радуется чистой радостью казачье сердце. К большому стыду казаков, у многих «призывающих» слишком много собственного **самохвальства**.

Я останавливаю свое внимание на «письме» ген. Коноводова.

Я один из тех, который всегда призывал не трогать имен Коноводова и Попова. На этой почве я с некоторыми казаками поссорился, но теперь и сам убедился, что **Коноводов не искренен и не далеко ушел от Балинова в саморекламстве**.

Итак, Вы, Ваше П-во, заявляете, что выдержали экзамен на острия шашки и пики...

В то время, когда вся Русь обрушилась на Казачество, когда сотни детей и юношей, не проходивших даже школ пик и шашек (не говоря уж об экзамене), устилали своими трупами казачьи любимые степи, красили воды своих рек своей чистой кровью, показывали безпримерное героизм, с ними был и Билый (первый Кубанский поход) да несколько десятков ему подобных, вышедших на защиту Родного Края **без экзамена...**

А сколько теперешних генералов, «орлов меча и пера», было тогда меж ними?

Во всяком случае, Коноводова в числе первых бойцов за Казачество не было...

Братья казаки — Новочеркасцы, Кривяницы, Заплавцы, Бесергевцы, Богаевцы, Мелиховцы, Раздорцы и др. участники Заплавского сидения. Положа руку на сердце, скажите: когда ст. Кривянская задыхалась в огне пожара, когда ваши матери, жены, сестры и дети, под свист шрапнелей и пуль, помогали вам облегчить ваше сидение, принося вам в окопы провизию, а нередко и огнестрельные припасы, — были ли меж вами генералы и сколько?

И только когда беспримерные «неизвестные» герои устали стечь от ст. Кривянской, до улиц гор. Новочеркаска, до хуторов Малый и Большой Мишкин — вплоть до Батайска, своими и вражьи трупами, когда немного обеспечилась безопасность, когда пепел Кривянской станицы развеялся ветром по степи и от станицы остались лишь черные пятна, — только тогда начали выползать из погребов «сдавшие экзамены на острия пик и шашек»...

А восставшие Верхне-Донцы видели у себя генералов?

И вот все эти неизвестные герои, а в настоящее время молчаливые труженики, вынуждены теперь выслушивать незаслуженные упреки от «старшин» и «орлов меча» — генералов...

Знаю, что сии последние скажут: это относится только к личности Билого. Но они забывают, что когда они выливают ушаты на голову нашего избранника, то это равносильно, что льют ее и на всех нас.

Если он делает ошибки, то разрешите судить его нам, людям, его избравшим и признающим.

Они, «призывающие», пишут, что 99% его избирателей разбежалось. Значит, они теперь у них и плюс еще все ихние, его не избравшие... Неправда-ли, как их много?! Зачем же им все таки так беспокоиться, волноваться, так лгать и клеветать? Есть ли смысл для них устраивать травлю против него? Пишут они нам об объединении вокруг «каз. нац. центра». А сколько у них этих «центров»?

Очевидно, они тянут к «Поповцам».

Оставляю личность Попова в стороне и обращаюсь к ним непосредственно:

Не будем обманывать друг друга. Лучше скажите по совести, если она у вас еще сохранилась, — вас признают «Поповцы»? Вы и его избиратели, так много шумевшие, объединились уже в одно? Я смело утверждаю: **нет!**

Где Балиновы, Харламовы, Каревы и др.? А где сами члены Круга, где поставленная им (Поповым) старшина?

Я приведу несколько примеров из встреч с «поповцами» в Софии.

Недавно, 10 июня, по просьбе казаков, я посетил т. н. «старшину» и представительство Донского атамана Попова в Софии. На мой вопрос: «вы есть «совет каз. старшины»? — член Круга Алаторцев, знакомясь со мной, ответил: «Да! А Вы тот Ковалев, который сотрудничает в журнале «БК»?

— Да, иногда пишу, когда становится невтерпех, когда ложь переходит все границы. Вот, напр., перед моим отъездом в Софию, мы в Лесковце получили вашу «информацию № 3». Кто может не возмутиться подобной поганкой?

— Да Боже избавь, ничего подобного мы не писали и я сам возмутился, когда вчера принес мне ее Глазков (Михаил) и прочитал. Я просто чуть не выгнал его и сказал, чтобы нам подобных вещей они больше не носили. Это пишут «националисты», а мы с ними ничего общего не имеем. Это они себя называют «старшиной», а Ковган и Глазков — главные у них.

— Ну, а вы тогда что делаете, что у вас нового? Ведь атаман Попов тоже националист?

— Да это еще, как сказать? Вы слушаете, что говорят эти господа? Попов нам ничего подобного еще не говорил и мы до сих пор еще ничего не делаем, сидим и ждем...

На этом мы расстались и я направился к Глазкову, но не застал его и пошел отыскивать Ковгана, т. к. решил исполнить желание казаков и поговорить со «старшиной».

Подхожу к указанному адресу, вижу надпись: Ковган. Ну, думаю, слава Богу. Стучу. «Провинциалист», знаете, совсем не обратил внимания на звонок... Открывает дверь сам он, Ковган. Там же у него и его помощник Мих. Глазков. «Радушная» встреча. Просто меня не узнают, будто так сильно я изменился... Невольно бросил взгляд в зеркало... Оказывается, ничего подобного — я тот же, какой был и раньше, год тому назад...

— Вы будете «старшина»?

Самодовольный утвердительный ответ.

— Значит, это вы издатели «информации» и прочего?

— Да, мы.

— Тогда разрешите передать вам «чистосердечную благодарность» от имени казаков Ермаковцев, — так вы их «порадовали», что я не могу даже подыскать подходящих слов «благодарности»...

Следуют всевозможные оправдания: ничего, мол, ложного там нет...

— А что это у вас, свежая газетка, что-ли? — обращаюсь к Глазкову, который держит в руках десяток экземпляров «К.Е.» для экспедиции. Читаю: издатель — Парижская станица.

— Видите-ли, вот это уже первая неправда. В «информации» сообщается, что газету запретили. Вторая неправда это та, что Кондрат Алексеевич Плохий (кубанский украинец, смертельный противник ВК) — ст. Ольгинской. Так утверждают (т. е., что он не Ольгинской) и его воспитанники по С. Х. Уч. в Болгарии, их у нас шесть человек. (Плохий — ст. Пашковской и никогда не был даже в Таманском отделе).

Снова следуют всевозможные оправдания.

— Ну, хорошо, вижу, что работа ваша «плодотворная». Каково же ваше отношение к Донскому Округу и членам Круга?

— Что-ж можно сказать про них? — все это люди, ничего не стоящие, их и Попов так — и признает, и не признает... Все делаем мы, все у нас идет хорошо. Успехи Попова превзошли ожидания и возможно, что

в скором времени он объявит себя атаманом всех казачьих войск...

О Лаврухине — самые «лестные» отзывы: «Единственный он нам мешает работать, но теперь мы уже наладили и дела идут»...

(«Если они будут так идти, то долго еще придется Казачеству ожидать избавления от Москвы»).

Братья казаки, не верьте никаким «старшинам», не поддавайтесь разложению. Помните одно, что еще ни один «оппозиционер» не указал нам более правильно-

го пути, чем это сделало ВК движение. Программа ВК есть единственная казачья национальная программа. И только корысть и ненависть не дают сейчас покоя нашим «орлам пера». Только твердая воля Походного Атамана «портит им нервы». Будьте едины и стойки под знаменем ВК. Не давайте погружать его в грязь разным «старшинам»...

**Слава борцам за казаки Идеалы!
Слава Казачеству!**

Казак Николай Ковалев.

Казачья эмиграция

ВК в Польше

ПО ВК ОКРУГУ.

Избранное 11 июня с. г. на станичном сборе ВК Острово-Мазовецкой станицы станичное правление в составе: **А. И. Третьяков** — атаман, **П. К. Болдырев** — помощник атамана, он же и секретарь, и **Е. И. Фролов** — казначей, сроком на один год, согласно статута, утверждаю.

Окружной атаман: инж. **Ф. Штовхань.**

ВК в Болгарии

ВК С'ЕЗД.

Первый в.-казачий конгресс в Болгарии собрался 9-го июля 1939 года в 11 часов дня. На основании полученного разрешения из министерства внутренних дел № 11788 и дирекции полиции № 633 от 21.IV.1939 года и объявленного в журн. «ВК» № 263 и № 265 атаман Разинской станицы **А. В. Лаврухин** открыл первый вольно-казачий конгресс в Болгарии приветственной речью. От имени членов правления станицы, сказал он, благодарю вас, станичники, что вы отозвались на призыв и прибыли сюда принять участие в заседаниях конгресса. По количеству нас мало, но по нашему единству, по ясности программы, мы сильнее всех существующих движений. Сильнейшая апитация против нас со стороны отдельных личностей, назвавшихся «Союзами», «старшинами» и проч., имеет слабую силу. И если еще есть лица слушающие их, то в очень ограниченном количестве. Большинство же сейчас оставилось и ждет конца - развязки. Пусть это не смущает нас. Нам всем известно также, что со дня объявления нами конгресса в журн. «ВК», провинция буквально засыпана всевозможными «распоряжениями», «информациями» и «бюллетенями» и прочей подобной литературой, в которой г-да «политики» занялись прежде всего тем, что стараются вылить побольше грязи на нас. Все это — ученики Кудинова, а Кудинов, сами знаете, на что способен.

Собравшись здесь, мы прежде всего обдумаем совместно о тех мероприятиях, которые будем проводить в жизни для развития нашего движения в Болгарии. Не будем скрывать, что от нас отошло не мало людей, которые поддались злостной агитации, но придет время и, я верю, они все будут опять с нами. Силу свою мы прекрасно знаем и посягнувший на нас получит отпор. Три года с нами вел нещадную борьбу Кудинов о своем «Союзе», но оказался бессилем. Сейчас подстрекаемые кудиновскими помощниками против нас начинают идти г-да «члены Круга», но что у них получится, увидим в скором времени сами. Есть еще новая группа — «совет казачьей старшины». «Союз» Кудинова и «Совет Казачьей старшины» работают сейчас вместе... Таким образом образовался «Союз казачьих советов», а т. к. мы все время ведем борьбу против советов вообще, то не можем мы примириться и с «советами», находящимися у нас под боком. Если мы сейчас и молчим, то отнюдь не потому, что мы бессильны. Мы только смотрим и выжидаем — до какого предела может дойти их безумие. Организации же в провинции буду просить всю их литературу препровождать в правление в Софию, где мы очень скоро

сможем им преподать уроки благородства и вежливости.

Верим мы, что восторжествует правда! Восторжествует Казачество! Слава Казачеству! и Походному Атаману!

«Слава!» — последовал ответ.

За атаманом говорят приветствия делегаты. У всех делегатов в приветствиях подчеркивалось одно и то же, а именно: «довольно споров, грязи и интриг». «Пора прекратить все. Найти общий язык и точку соприкосновений наших казачьих интересов».

По окончании речей делегатов поднимается опять стан. Лаврухин: «Станичники! Спасибо вам за теплые речи и за советы. Один ум хорошо, а два лучше. Не даром говорится и так: глас народа — глас Божий. Вот вы говорите за «общий язык». Как же его найти, когда все эти господа настаивают: «нет! ты обязательно дуи только в нашу дудку. Другие говорят: нет, в нашу! наша лучше. Отсюда у нас и разногласия. Точно так же обстоит вопрос и с точками соприкосновений. «Члены Круга» говорят: «точка соприкосновений» — мы, т. к. мы являемся лучшими казаками, мы — парламент»... Другие говорят — ничего подобного! Соприкасайся только с нами, т. к. мы — общественные деятели и кадр казачьей интеллигенции. Мы же все своего мнения иметь не можем. На нас смотрят они все, как на «крайний» и «опасный элемент».

Один из делегатов не утерпел и с места заявил: «Ну, а раз так, то и пошли они к чорту! А будут лезть — по зубам!».

По окончании приветствий и кратких дебатов, секретарь станицы **В. Е. Акулиничев** читает письменные приветствия. Особенное впечатление на присутствующих, среди которых были и гости болгары, произвело приветствие от станицы имени «К. Булавина» в Туркуане: «Пусть же вечно шумит любимая болгарским народом и нами «Марица», да прекратятся многострадальной Вдовицы слезы о Ее детях, т. к. Ее слезы есть слезы и наших вдов-матерей. Да здравствует Боргарский царствующий Дом, братская нам Болгария и Ее Правительство»...

По окончании чтения приветствий избирается президиум конгресса: Председатель: **Н. Е. Ковалев**; помощник — **А. Н. Горбунков**; секретарь — **С. И. Камышанов**.

Вносится предложение послать приветствие от имени конгресса Болгарскому Царю Борису III и Правительству. Предложение принимается. Председатель конгресса **Н. Е. Ковалев** объявляет перерыв до 4-х часов. Во время перерыва составляются приветствия и после одобрения отправляются почтой.

В 4 часа конгресс продолжил свои заседания. Атаман Разинской станицы **А. Лаврухин** читает полученное приветствие от Походного Атамана. Приветствие было выслушано стоя. «Слава Казачеству!» — закончил в письме Походный Атаман.

— Слава Походному Атаману — первому борцу и глашатаю казачьей истины! — было ответом станичников.

Вслед за этим председатель **Н. Е. Ковалев** предлагает приступить к деловой части конгресса. Первым вопросом ставится о будущей работе окружного правления.

По обсуждении настоящего вопроса решено: 1) Всем в.-казачьим организациям провинции для более успешного ведения дел ясно определить свое на-

правление. После сего, 2) вменяется в обязанность всем станичным, хуторским атаманам и старшим групп произвести по местам жительства полную перерегистрацию своим членам. 3) Вслед за перерегистрацией, на основании законов страны 1935 и 1938 г.г., приступить к переутверждению своих уставов. Организации провинции, не имеющие уставов совершенно, должны приступить к утверждению таковых. За справками и содействием обращаться в Правление — Университетска 2, София VII. 4) Для более тесного сближения организаций в округе, окружному правлению осуществить мысль об окружном бюллетене, в котором освещалась бы более подробно жизнь округа. 5) Всем организациям о переменах и деятельности по местам сообщать в окружное правление. 6) Окружному правлению стремиться к улучшению материального и морального состояния округа и продолжать созидательную работу В. Казачьего движения в Болгарии.

В 7 часов вечера было приступлено к выборам первого окружного правления. Избранными оказались: атаман — **А. В. Лаврухин**; помощник — **В. Е. Акулиничев**; секретарь — **С. И. Камышанов**; доверенный — **А. Н. Горбунков**. Ревизионной комиссии Разинской станицы в Софии, как находящейся в непосредственном сношении с окружным правлением, принять на себя работу по ревизии окружных дел.

В 8 часов вечера заседание конгресса было закрыто и перенесено на 11-ое июля в 10 часов утра, т. е. делегаты высказали пожелание присутствовать на все-славянских сокольских состязаниях.

10-го июля председатель конгресса Н. Е. Ковалев вечером выехал к месту своего жительства по неотложным обстоятельствам.

11-го июля в 10 ч. 30 м. утра, за отсутствием Н. Е. Ковалева, собрание открыл окружной атаман **А. В. Лаврухин**, с согласия всех присутствующих.

Помощник атамана **В. Е. Акулиничев** читает полученное приветствие от казака, члена нашего движения, полк. **Лаврухина**, находящегося в настоящий момент в провинции: «Побуждаемый искренним чувством принять живое участие в обсуждении вопросов о судьбе распыленного по всему свету милого моему сердцу Казачества, и, не имея возможности присутствовать лично, я приветствую дорогих представителей; приветствую как идейных борцов, в сердцах которых еще не угасла надежда добыть себе право на существование нашего славного Казачества...»

Письмо было выслушано с большим вниманием и внесло не малый подъем среди присутствующих.

После прочтения письма просит слово представитель от казаков гор. Пловдива: «Станичники делегаты и гости. Очень сожалею, что опоздал и не мог присутствовать на открытии конгресса. Когда я уезжал сюда, станичники просили меня передать вам свое приветствие и заявить: «Мы с вами!». Мы, добровольные работники, ведем свою работу, которая имеет своей целью выдвинуть Казачество на международную арену и сделать его более счастливым, чем в настоящее время, а главное — помочь объединению казачьих сил. Каждый народ должен быть внимательным к грядущим событиям и должен знать, куда он идет, что будет делать и как защищаться. Мы собрались здесь на первый конгресс. Что будем делать мы? Холодный раскусодок подсказывает нам, что сперва нам надо стянуть с себя грязь оппозиций. Оздоровить округ и доказать свою силу и твердость, свою национальную дисциплину и единодушие. Куда идти? — По шляху «черного всадника!»

Приехав сюда, я попал в группу провокаторов, которые заявили мне, что конгресс разогнан и что делегаты разбежались, а большинство и совсем не приехало. Предлагали мне подписать какой то протест. От этого я отказался. Станичники! По казачьему ли это? Ловить казаков, заговаривать их и стараться не пустить на наш конгресс! Я слышал, что будто один уже поймался в их сеть.

Затрагивается вопрос об отношениях округа к «Союзу казаков националистов», к «членам Круга», к «Совету старшин», к «интеллектуальным деятелям» и к «общественным деятелям».

В это время прибывает делегат от придунайского

казачьего хутора гор. Русе. Разобрав суть дела стан. делегат из Русе заявляет, что вообще этот вопрос казаками давно уже решен. Никаких разговоров с нами быть не может и нечего даром терять время. «Провинция на Софию вообще смотрит с большим вниманием. Провинция знает, что в казачьей Софии творится большой произвол. Но нам не понятно, почему представитель «ВК» ни разу не осадил господ, забывших принципы вежливости и человеческой этики. Ознакомившись с решениями конгресса, взятыми в первые дни, вполне поддерживаю вас, а особенно подчеркиваю на необходимости более частых сношений с провинцией. Мы — провинция, фактически и не знаем, кто же в результате у нас. До нас доходят письма и листовки, в которых говорится, что во всей Болгарии из сторонников «ВК», или как они выражаются, «биловцев», один только Лаврухин, который и мутит все. И как нам они писали, «возможный мальчишка» не желает ни с кем считаться. Но мы его скоро остепеним. Зная стан. Лаврухина по прошлому году, как организатора нашего хутора, мы пришли в недоумение. Надо же, наконец, положить предел всем этим безобразиям. Ведь пакостями организации провинции не привлечешь...»

Поднимаются прения и принимают жаркий характер.

После прений слово просит стан. **А. Н. Горбунков**: «В настоящее время, время внезапных событий, мы все видим, что судьбы народов находятся в руках отдельных лиц. Среди последних есть лица двух видов: неустанные работники на благо своего народа и другие — корыстолюбцы, которые, скрывая свои грехи и преступления, за мнимой «волей народа» ведут народы к гибели. Категория первых на нашем казачьем небосклоне — это группа, идущая за «черным всадником» к солнцу казачьей правды и ведущая за собою по тернистому пути многострадальное Казачество. А вторая — оппозиция. Оставим станичники уделять им столько времени. Не стоят они того, чтобы мы столько тратили времени на них. Пусть себе «работают». Все равно они далеко не уйдут. Это люди не постоянные. Еще вчера они кричали «черному всаднику»: «Осанна!», а сегодня в своем иступлении орут: «Распи!». Нечего нам их слушать совершенно. У нас есть своя работа, которую мы должны исполнить. А чтобы ее исполнить, мы должны быть единодушны...»

Видя, что прения затягиваются и принимают острую форму, атаман прекращает прения: «Станичники, много сейчас говорилось и большинство высказало свои мысли. Много уже решений принято, но, всего не переговоришь. Ведь мы за 5 лет фактически собираемся в первый раз. А поэтому заканчивая конгресс, будем считать, что закончили мы его благополучно. От имени членов I-го окружного правления благодарю всех за сотрудничество, которое вы проявили в эти дни. Мысли, высказанные вами здесь, очень ценны и мы, окружное правление, обратим на них должное внимание. А поэтому, с верою в будущее, с упованием в наши силы, с верою в великий казачий гений, в прогресс нашего округа — начнем нашу созидательную работу все вместе. А сейчас считаю первый вольно-казачий конгресс закрытым.

От имени делегатов первого вольно-казачьего конгресса в Софии и первого окружного правления приветствуем первого Глашатая казачьей истины — основателя ВК нашего Походного Атамана **И. А. Билого**. Наше казачье «Слава!» шлем окружным атаманам с правлениями: во Франции — **А. К. Ленинову**, в Польше — **Ф. М. Штовханю**; в Румынии — **С. М. Маргушину**; в Чехии — **К. К. Полякову**; атаману вольных казаков Бельгии с правлением — **Г. К. Рудакову**; казачьему бандуристу — **А. П. Черному** и главному виновнику образования в Софии Разинской станицы — **И. М. Михайлушину**.

Пусть это наше первое окружное «Слава» пронесется и по казачьим рядам Югославии... Верим и глубоко верим, что и там восторжествует казачья правда. Слава всем и Воля Казачеству!

Окружное Правление ВК Округа в Болгарии.

Въ русском лагере

Прошлую борьбу мы проиграли. По многим причинам. О них, этих причинах, мы много уже говорили на страницах «ВК». Сейчас подчеркнем только некоторые:

Мы плохо знали своего противника (особенно, что касается его идейного, программного багажа), плохо знали своих «союзников», почти ничего не знали о своих соседях, почти не разбирались во внешней международной обстановке....

Будущей борьбы вести так нельзя. Надо не только хорошо знать свою цель, не только иметь свою национальную программу, но надо так же хорошо знать и своих противников, знать своих соседей и попутчиков (как и тех, кто останется «в стороне»), знать внешнюю обстановку, — словом: хорошо знать, что делается против нас и кругом нас.

Если во время прошлой борьбы у нас не все было ясно, то казалось, что у наших русских «союзников» как будто все было ясно. По существу, они не занимались тогда политикой, а просто вели борьбу за прежнюю Россию (красные наши противники имели свою программу и у них на этот счет все было ясно и определено). Даже и заграничили они — «белые» — долго (почти 15 лет!) **не занимались политикой**. Только теперь часть из них предприняла поиски своей национальной идеи и политической программы, ищет причины своего поражения и начинает иными глазами смотреть и на свое прошлое....

Не только прошлое, но и настоящее, а еще больше будущее диктуют нам настоятельную необходимость **хорошо знать, что делается сейчас среди русских — там и здесь**. Побуждает нас к тому еще и то обстоятельство, что русские красные держат под своим физическим и духовным террором казаков там, а здесь тоже долго (даже очень долго!) русские эмигранты владели душами и думами большей части казачьей эмиграции, да и до сих пор еще владеют некоторой ее частью («русские казаки»). Сами «не занимавшиеся политикой», они через Войсковых Атаманов призвали не заниматься ею и казаков... К несчастью, много было таких казаков, которые слушались их и прислушивались к ним....

Но вот и среди самих русских нашлись такие, которые начали «переоценивать ценности» и начали заниматься политикой.. А какой — все это мы должны знать. Повторяем: **все должны мы знать, что делается кругом нас** (ведь, «виды» на нас там не оставлены и неизвестно, как и с чем они могут подойти к казакам завтра, неизвестно — чем и как попробуют удержать около себя «русских казаков»)....

Вот почему, время от времени, мы будем знакомить своих читателей с теми или иными политическими течениями, с теми или иными политическими исканиями русских людей....

— « —

Перед нами первый номер русского неперидического журнала «Глаголь» (май 1939, Брюссель) — органа «Объединения русских спиритуалистов». В передовой статье его читаем такие места:

...«До настоящего времени мы шли, и идем, ложным путем. Злой рок издревле тяготеет над нами! На заре нашей государственной жизни варяги пришли «владеть и править» нами. Потом нас заполонила византизм: крестил Русь Добрыня мечем, а Путья — огнем. Затем монголы наложили на нас свою кровавую лапу, а со времен Петра Великого мы добровольно согнулись в бараний рог перед западной Европой и пребывали в этой униженной позе вплоть до революции.... Загипнотизированные лживым внешним лоском западной цивилизации, мы воспринимали ее не в сознании равенства, а в убеждении ее превосходства.

В течении двух веков мы позорно плелись в хвосте западной Европы. Мы переболели всеми ее политическими и социальными болезнями и, рабски пресмыкаясь перед ее кумирами, мы утратили наш Славянский Лик, мы забыли заветы наших праотцев!... Здесь лежит основная причина и глубокий смысл

переживаемых нами бедствий. **Всякое страдание есть результат ошибок и заблуждений....** И доколе мы не воскресим в себе славянскую душу, доколе не сознаем наше историческое назначение и не обретем наш истинный путь жизни, бедствия наши будут продолжаться....

Преступно замалчивать чрезвычайную опасность современного положения, не менее преступно предаваться расслабляющему пессимизму. Нужно работать, работать не покладая рук, дабы спасти от гибели то, что еще может быть спасено.

Здесь, за рубежом, многие русские, несмотря на то, что на собственной шкуре (если позволительно так выразиться) испробовали все прелести капитализма, еще не изжили гипноз образов дореволюционного прошлого. Сущее в России зло мнится им как страшное кошмарное видение, которое скоро кончится.... и они опять заживут «по-старому».... Кровавый урок революции прошел для этих людей без следа. Они не поняли, что коммунизм вырос на неправде и недомыслии современной торгашеской цивилизации, где вместо сотрудничества — бессовестная эксплуатация, вместо братских отношений — ненависть и ложь, где человек человеку — волк!...

Вот почему всякая попытка возвращения в России к старому укладу жизни, уже доказавшему — фактом провала — свою полную негодность, опять фатально завершится катастрофой....

Провал России есть результат ничемности всего русского дореволюционного бытия и в частности:

1. Устарелой структуры государства.
2. Отсутствия культурного, сплоченного и деятельного правящего класса, органически связанного с жизнью империи, заинтересованного в ее процветании и мощи.
3. Отсутствия «граждан» — в высшем значении этого слова. На протяжении всей русской истории трудно найти период, когда духовное убожество, шкурничество, обывательщина, забвение долга, погоня за чувственными наслаждениями.... царили бы с такою же наглостью, как в последнее десятилетие Империи.

4. Отсутствия разумной аграрной политики, полная неспособность использовать минеральные богатства России и организовать тяжелую индустрию....

Довели Великую Страну до нищеты, запутали в долгах, проиграли две больших войны — таковы итоги правления титулованных недорослей и сиятельных держиморд! — Не потому у нас разразилась кровавая революция, что были революционеры, а только потому, что было глупейшее правительство. **В критический момент не оказалось в России ни идеологов здорового национализма, ни талантливых вождей, ни народа ратоборца....** Русская революция не только великое национальное бедствие, но, что горше, небывалый национальный позор....

Итак, тени дореволюционной России нам чужды. В социальных и политических бурях, налетевших на нас, мы зрим не временную смуту, а завершение исторического цикла.

Современная Российская действительность несказуемо мерзостна. — По отношению к коммунизму мы занимаем **абсолютно непримиримую позицию** не только потому, что он разрушил и опоганил Россию, но также по соображениям мета-социального и мета-философского порядка....

Коммунизм с социально-исторической точки зрения есть явление регрессивное, а совсем не новая и высшая форма структуры государства... Коммунисты только **могилищники** издыхающего капитализма, а **не строители новой жизни**.

В основу коммунизма заложена некоторая реальность и некоторая идея. Пусть идея ложная, нелепая, глупая, преступная, но все-таки идея! — Всякая идея имеет чудесное свойство.... ее нельзя ни повесить, ни расстрелять! Отсюда следует, что **одними механическими средствами, т. е. путем только вооруженной борьбы коммунизм раздавить нельзя....**

....До настоящего времени не было и нет никакой борьбы с коммунизмом, ибо настоящая борьба с коммунизмом есть борьба с его «внутренней сущностью», а не с «внешней видимостью». **Коммунизму, как «идею», необходимо противопоставить высшую Идею, ибо идея может быть побеждена только идеей....**

Если Российская действительность внушает мыслящему человеку ужас и отвращение, русская зарубежная жизнь вызывает у него горькое чувство стыда за соотечественников....

Россия дореволюционная мертва. Россия советская и Россия зарубежная одинаково тошнотворны.... Мы живем прозрением Грядущей Великой Руси. **Стомиллионный*)** Русский Народ не погибнет, его история служит тому неоспоримой порукой, но чаемый день воскресения нашей Родины еще далек....

—*—

А вот в «Сигнале» (номер 59, 15 июля 1939, Париж) капитан **М. Я. Игнатов**, в статье «Мысли вслух», «жалуется» на свое бывшее начальство, что оно не разрешало им раньше «заниматься политикой»....

Приводим ниже некоторые выдержки из этой статьи — к сведению тех «русских казаков», которые еще и до сих пор не хотят заниматься политикой, не хотят ни о чем думать своей головой....

Итак:

«...Хотя и незаметно, но чрезвычайно сильно, изменились те руководящие идеи, во власти которых мы начали пребывать. Под влиянием их, мы медленно, но верно, стали утрачивать ясность понимания не только окружающего нас мира, но, что еще хуже, ясность отчетливого представления о своем враге.

В годы гражданской войны все было просто).** Мы знали, что наши враги — большевики и все те, кто в той или иной мере служит и помогает им, и знали, что делать. А теперь? Теперь мы начинаем тщательно присматриваться, изучать уклоны и тонко дозировать степень нашей к ним враждебности. Доехали до того, что Лейбу Троцкого готовы одарить своей симпатией, не говоря уже о Тухачевском, Блюхере и прочих «псах».

Но тогда — кто же, собственно, наши враги? Конечно, не подневольный советский люд, но позволительно думать: **и не один уж Сталин!** Если произвести анкету, то вероятно многие и многие затруднятся ответить.

Вот результат 19-тилетней нашей подготовки для освобождения родного народа от ужасов красной тирании. Иным он и не мог быть.

Здесь огромную роль сыграл принцип: «Армия — вне политики». Несомненно, диктовался он добрыми намерениями. Но ведь известно, что добрыми, плохо продуманными намерениями как раз и вымощена дорога в ад. Стремясь оградить кадры от политических дразг и раздоров, не учли тех внешних условий, в которых кадры должны были жить. То, что было хорошо при лагерном или казарменном быте, совсем не подходило для рассеянных по всему свету чинов армии, нуждавшихся в первую голову в хорошем политическом иммунитете. Иммунирует же могла дать только хорошо продуманная, вооруженная всеми необходимыми данными и доводами **идеология. Политическая безграмотность** как раз и толкала наиболее беспокойных к поискам всяческих выходов, дробя и отдавая их в руки как истинно-патристических, так и псевдопатристических дельцев и политиков!

Сколько боевого, пылкого и ценного элемента попало хотя бы в сети 2-ой советской, — и вовсе не в силу некоей переоценки ценностей или дегенерации, а просто **по причине политической безграмотности и на-**

*) Так как в Сов. России сейчас не 100 милл., а 170, то, очевидно, что автор передовой «Глагола» не включил в состав Русского народа народы не русские.

Ред.

**) Подчеркнуто везде нами. Ред.

ивности... Основная масса кадров все же как-то уцелела и сохранила некую видимость организованной силы, но если отбросить казенный оптимизм, то увидим, что и здесь далеко не все благополучно. Перед нами лишь **тень** того, чем должна бы она быть. Есть крошечные канцелярии, есть списки, есть даже некая иерархия и соподчиненность, удерживающие былым боевым соратничеством, но, увы, **нет того священного горения и гнева, что рождают дерзания, действия и победы.** Многоводная белая река иссякла у своего истока и заносится песком обывательщины ее высохшее русло.

Скромные задания рождают и скромные деяния, а деяния порождают и соответствующую психику и соответствующее мировоззрение. Кто бы мог сказать, что доблестное белое воинство, покрывшее неуывдаемой славой свои новые знамена, затмившее своими подвигами все, что было до того известно, презиравшее всяких родов шкурничество и с негодованием отвергавшее даже мысль о сохранении драгоценных жизней до момента, когда все образуется, — само превратится в рассыпанные по всему миру цейхаузы и в этом то и будет видеть весь свой долг и все свое служение!...

Кто бы мог сказать, что люди, тысячу раз смотревшие в глаза смерти, робко сожмутся и смущенно заулыбаются перед нагло прущим на них откровенным сменевеховством! Можно ли было предполагать, что священная цель вооруженной белой борьбы превратится в культ лишь служения русской культуре, — задаче почтенной, но подсобной и во всяком случае не самоодовлеющей. И кому бы пришла в голову мысль спасти отечество в горделивом восхищении балетными пируэтами Лифаря, праздновании дней культуры, в громогласном сотрясении воздуха патристическими фразами и в лихом модернизированном плясе, где сохранившиеся еще былой пыл два пола попирают третий.

И, наконец, кто бы мог даже вообразить, что **через девятнадцать лет из уст самого белого вождя, с общественной трибуны, мы услышим в общественном месте такую потрясающую истину: если Соведения поднимется против внешнего врага, в этом случае мы должны отказаться от борьбы с большевиками и бороться лишь против внешнего врага.**

Стоит ли после этого вообще городить антибольшевистский огород? К чему?... Зачем?... Неужели лишь для того, чтоб, одурачив наигранным антибольшевизмом друзей и обойдя возможных попутчиков, в минуту жизни трудную преподнести «гениальнейшему» (очевидно, Сталину! Ред.) скрыто высуженное сюрпризное эмигрантское яичко — в подкрепление к его высоко-патристической деятельности по обороне и выкорчевыванию русского духа с лица одной шестой суши?

Да и вообще, если посмотреть на все глазами маститого докладчика (очевидно, Деникина! Ред.) и его, благоухающего запахами с.-польского гетто, окружения, то, пожалуй, и сама белая борьба — какое-то печальное недоразумение, прямое, можно сказать, поражение.

В самом деле, стоило ли сотням тысяч русских бойцов ухлопывать друг друга? Чека бы это сделала куда проще и разумнее. И не предательство-ли при этом принимать помощь: французов, англичан и греков — на юге, немцев — на западе, японцев, чехов и, кажется, американцев — на востоке? **Если это поражение и преступление теперь, то почему бы не почитать за таковым ему и тогда?** А тогда взгляните, г.г. белые «штабс-капитаны», в зеркало и плюньте в собственное отражение....

....Досужие иностранные журналисты уже подсчитывают, сколько полчков даст гениальнейшему (Сталину? Ред.) — непримиримейшая (эмиграция? Ред.) для ограждения интернациональной базы от посягательств фашистских агрессоров.

События мчатся с головокружительной быстротой....

А что же делать нам?»....

.....

Принимается подписка на

иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	100 фр.	5 фр.
В Чехословакии	50 кр.	100 кр.	5 кр.
В Болгарии	150 лева	300 лева	15 лева
В Румынии	200 лей	400 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 мк.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции почтовых марок на 1 фр., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: Mr. I. Bilyi: 8, rue Fantin Latour, Paris (16).